

Современный мир населяют сотни различных народов, общностей, наций, народностей. Как бы они сами себя и мы их ни называли, все они находятся в постоянном взаимодействии, стремятся к диалогу или избегают его, отстаивают собственные интересы или вверяют свою судьбу другим, добиваются расширения влияния или замыкаются, пытаясь сохранить исконную культуру. Исследование прошлого позволяет проследить долгий процесс рождения наций и формирования национального самосознания, идентичности, характера и привычек людей, объединённых исторически обусловленными факторами. В книге состоялась попытка создать общее представление о сложном и многостороннем процессе формирования наций, национального сознания и идентичности у жителей четырёх западноевропейских стран – Англии, Испании, Франции и Германии. Рассматривается социоэкономическая и политическая обстановка и её влияние на формирование наций, а также отражение национальных идей в литературе и искусстве. В основу книги положена дипломная работа, защищённая в Кемеровском Государственном университете.

Национальное сознание в Западной Европе

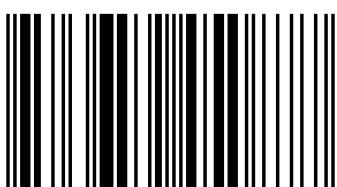

Павел Кипарисов

Павел Кипарисов

Родился в 1990 г. Окончил факультет истории и международных отношений Кемеровского Государственного университета. С 2012 года магистрант Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики". Область научных интересов: национальная идентичность, национализм, ментальная история, регионализм, региональная экономика.

978-3-659-45087-7

Кипарисов

**Национальное
сознание и
идентичность в
Западной Европе XVI-
XVIII веков**

Павел Кипарисов

**Национальное сознание и идентичность в Западной Европе XVI-
XVIII веков**

Павел Кипарисов

**Национальное сознание и
идентичность в Западной Европе
XVI-XVIII веков**

LAP LAMBERT Academic Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брэндах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

LAP LAMBERT Academic Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG

Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / Электронная почта: info@lap-publishing.com

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-659-45087-7

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2013 AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2013

*Выражаю благодарность профессору кафедры истории средних веков
Батурину Алексею Петровичу за плодотворный совместный труд,
заведующему кафедрой истории средних веков
Васютину Сергею Александровичу
за всестороннюю поддержку и веру в своих учеников*

Посвящается родным и близким

Содержание

Введение	4
Глава I. Теоретические аспекты национализма. Понятие нации, национального сознания и идентичности.	
1.1 К вопросу о понятии нации, национального менталитета, идентичности, национального характера и сознания.	9
1.2 Основные подходы в изучении понятий «этнос» и «этничность».	12
1.3 Отличия этноса от нации.	15
1.4 К вопросу о понятии национализма.	20
Глава II. Начальный этап формирования национального сознания и идентичности в странах Западной Европы н. XVI-к. XVII вв.	
2.1 Предпосылки формирования наций.	25
2.2. Влияние социополитической и экономической ситуации на формирование национального самосознания. Идеология в XVI-XVII вв.	32
2.3 Отражение трансформации национального сознания в образовании, литературе и искусстве XVI-XVII вв.	44
Глава III. Дальнейший этап трансформации национального сознания в западноевропейских странах XVIII в. Национализм и космополитизм.	
3.1 Роль политики и идеологии. Социальные изменения в XVIII в.	70
3.2 Отражение национального сознания в системе образования, литературе и искусстве XVIII в.	78
Заключение	91
Список литературы	93
Приложение	97

Введение

Современный мир населяют сотни различных народов, общинностей, наций, народностей. Как бы они сами себя и мы их ни называли, все они находятся в постоянном взаимодействии, стремятся к диалогу или избегают его, отстаивают собственные интересы или вверяют свою судьбу другим, добиваются расширения влияния или замыкаются в себе, пытаясь сохранить исконную культуру. Исследование прошлого позволяет проследить долгий процесс рождения наций и формирования национального самосознания, идентичности, характера и привычек людей, объединённых исторически обусловленными факторами.

При максимально широком рассмотрении современных мировых тенденций, можно выделить два основных, параллельно развивающихся политических процесса: а) глобализация; б) регионализация. Удивительно, каким образом диаметрально противоположные процессы шагают нога в ногу, вызывая тем самым феномен «глокализации». Однако схожий, на наш взгляд, процесс мы обнаруживаем и в XVIII в. Тогда, наряду с космополитизмом, имел место противоположный аспект – национализм. Кроме того, космополитизм был более свойственен элитарным группам, а национализм проявлялся чаще в среде простого народа. Так же и сейчас – глобализмом преимущественно «болеют» политические верхи, особенно развитых стран, а развитию регионализма способствуют народные движения и праворадикальные партии. Но есть и еще одно сходство этих процессов: как три века назад, так и сегодня все эти процессы запускаются в движение с помощью различных идеологических аппаратов.

В связи с вышесказанным и тем, что в настоящее время в ряде стран мира, в том числе в странах Европы и России, происходит институциональная трансформация, растёт популярность праворадикальных партий и националистических идей, стоит ряд проблем, таких как миграция, религиозный экстремизм и национализм, а также множество других, можно с полной уверенностью говорить об актуальности заявленной темы. Кроме того, некоторые рассматриваемые нами источники к исследованиям отечественными авторами привлекались редко или не привлекались совсем. Комплексных работ, созвучных теме данного сочинения, в отечественной историографии крайне мало.

Цель работы заключается в комплексном рассмотрении процессов формирования национального сознания и идентичности народов стран Западной Европы н. XVI – к. XVIII вв.

Перед собой мы поставили следующие **задачи**:

- 1) Провести экскурс в теоретические аспекты национализма. Раскрыть и охарактеризовать понятия нации, национального сознания, менталитета, идентичности, этноса, этничности, национализма;
- 2) Выявить предпосылки формирования наций, показать влияние политических, социальных и экономических процессов на формирование национального сознания в период с н. XVI до к. XVII вв.;
- 3) Анализируя источники, охарактеризовать проявления национального сознания в литературе и искусстве н. XVI - к. XVII вв.;
- 4) Показать изменения в политической, социальной и экономической обстановке в XVIII в.;
- 5) Проследить отражение в литературе и искусстве дальнейшего этапа трансформации национального сознания.

Хронологические рамки исследования определяются весьма длительным промежутком времени: с начала XVI в. (предпосылками уходя в первые века н.э.) до конца XVIII в. (забегая вперед в начало XIX в. по вопросам, касающимся Германии). Точка отсчета основных событий – начало правления династии Тюдоров в Англии. Конечная точка – начало Французской революции. Так как в данной работе литература и искусство занимают важное место, автор вводит деление по главам в соответствии с концепциями главенствующих идей в образованном обществе.

В названии работы заявлена Западная Европа в целом, но основное внимание будет сфокусировано на странах, в которых, на наш взгляд, процессы формирования национального сознания и идентичности проявились наиболее ярко – это Англия, Франция, Испания и Германия. Также эти страны можно назвать *Атлантической Европой* – каждая из них имела выход в океан.

Методологической основой работы служит историко-антропологический подход, с помощью которого возможно реконструировать стиль мышления и особенности сознания и поведения человека в рассматриваемый период. Исходя из этого подхода, для выполнения поставленных задач были выбраны следующие методы:

а) *историко-сравнительный метод*, позволяющий провести сравнительный анализ представлений о нации, нашедших отражение в литературе и искусстве эпохи; на основе применения этого метода определяются общие и особен-

ные черты в процессах формирования национального сознания и идентичности на выбранных территориях.

б) *историко-типологический метод*, согласно которому мы делим рассматриваемый период на время главенства идей гуманизма (XVI-XVII вв.) и идей Просвещения (XVIII в.) Внутри рассматриваемых периодов выделяется макрофигурационный уровень (социополитические и экономические изменения) и микрофигурационный¹ (отражение формирования национального сознания в литературе и искусстве).

в) *историко-генетический метод* даёт возможность проследить процесс трансформации национального сознания и идентичности в течение всего рассматриваемого периода.

При работе с некоторыми источниками был использован контент-анализ, заключавшийся в подсчёте употреблений слова «нация».

Источниковой базой исследования являются памятники литературного и художественного творчества, политические и юридические сочинения современников. Перечень работ включает в себя произведения испанского философа-моралиста Б. Грасиана, некоторые испанские рассказы в жанре плутовского романа, книга Томаса Смита, представляющая собой уникальный источник по государственному и социальному устройству Англии конца XVI в., сочинения знаменитого английского писателя Дж. Милтона, в особенности его труд «Арепопагитика», в котором он говорит об опасности ограничения свободы слова, верит в могущество английского народа и его великий потенциал, работа «Метод лёгкого познания истории» Ж. Бодена, в которой мы можем найти многочисленные комментарии автора на тему нации, королевской власти и т.д., сочинения трёх знаменитых французских моралистов XVII столетия – Ларошфуко, Паскаля и Лабрюйера, работы Ж.Ж. Руссо. Кроме того, в качестве источников используются некоторые стихотворения и картины современников².

Историография национального вопроса (как отечественная, так и зарубежная) на сегодняшний день крайне широка и в какой-то мере необъятна. Изучением наций, их современным состоянием и развитием занимается огромное число исследователей. Круг же тех, кто в своих работах уходит глубже в историю и изучает складывания наций, национального сознания и идентичности, в особенности предложенного нами периода, значительно уже. В западной историогра-

¹ О фигурациях см. Главу I

² См. Приложение

фии нужно выделить американского писателя, занимавшегося европейской историей, посла в Испании во время II Мировой войны, Карлтона Джозефа Хантли Хайеса (годы жизни: 1882-1964). В своей работе «Историческая эволюция современного национализма», опубликованной в 1931 г., Хайес рассматривает процесс развития национальных идей (национализма) в общественной и интеллектуальной мысли Европы. Главы книги названы по характеру времени, в которое формировались эти идеи: «Гуманитарный национализм», «Якобинский национализм», «Традиционный национализм», «Либеральный» и т.д.

Работа «Национализм в Средние века» Леона Типтона фокусируется на предпосылках формирования национальных идей (до XVI в.). Труды «Цивилизация классической Европы» и «Цивилизация Просвещения», принадлежащие перу историка французской школы Анналов Пьера Шоню, предоставляют огромный материал, описывающий чуть ли не все стороны жизни европейского общества, в том числе интересующие нас проблемы национального сознания и идентичности.

Наиболее полно процессы нациестроительства соответствующего периода отражены в работе «Национализм. Пять путей к современности» (1992 г.) профессора Бостонского университета Лии Гринфельд. Лия Гринфельд привлекает огромное количество источников, в том числе нормативные и судебные акты, исследует лингвистические аспекты, рассматривает пять стран: Англию, Францию, Россию, Германию, Америку. Основа её концепции, согласно которой национализм – самый важный фактор в истории человечества, определяющий всё его существование, заключается в использовании исторического подхода³.

Хотя работа Эрика Хобсбаума «Нации и национализм после 1780 года» временными рамками не совпадает с нашим исследованием, в ней также можно обнаружить ряд общих тезисов о формировании нации в XVI-XVIII вв.

В отечественной историографии, по нашему мнению, самая близкая тематике нашего исследования работа выпущена под редакцией преподавателя МГУ В.С. Бондарчука и называется «Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории». Книга представляет собой коллективную монографию. В её составлении принимали участие Е.А. Макарова, Л.А. Пименова, Д.Ю. Бовыкин, Е.Э. Юрчик, Н.В. Кирсанова, непосредственно, В.С. Бондарчук, А.С. Медяков, а также Т.В. Никитина и О.Е. Петрунина. В ней рассматривается трансформация национальной мысли таких стран, как Англия, Франция, Гер-

³ Подробнее о подходах см.: Глава I, с. 20-21

мания, Италия, Португалия, Испания и Греция. Нам представляется, что это наиболее полная в отечественной историографии монография, посвящённая заявленным проблемам. Редактор книги также отмечает отсутствие подобных отечественных комплексных работ.

Экскурсы в историю испанской национальной идеи могут быть найдены на страницах книги Батурина А.П. «Западноевропейская история XVII века в оценке современников». В ней автор рассматривает взгляды писателя Бальтасара Грасиана на современный ему мир. Особый интерес представляет последняя глава книги «Свой и «чужой». Отражение испанского национального сознания в сочинениях Бальтасара Грасиана».

Историография понятий «нация», «национализм» и др. подробно представлена в следующей главе.

Глава I

Теоретические аспекты национализма.

Понятие нации, национального сознания и идентичности.

*Иначе расставленные слова обретают другой смысл,
иначе расставленные мысли производят другое впечатление*

Блез Паскаль

1.1 К вопросу о понятии нации, национального менталитета, идентичности, национального характера и сознания.

Нация – это сложное, комплексное понятие, до сих пор не имеющее единого определения даже в рамках отдельной науки, не говоря уже о возможной унифицированной его дефиниции в междисциплинарном плане. Это приводит к множеству дискуссий среди исследователей. Например, в социологии «нация» – это социальная система, а в юриспруденции – субъект права, в традиционной отечественной этнологии «национа» – это этнокультурная общность. Психология изучает характерные черты, особенности сознания и мышления, присущие той или иной нации, политология рассматривает нацию как социально эволюционирующее явление, постепенно трансформирующееся из родоплеменной общности в многосвязное объединение людей на основе единства языка, культуры, традиций, устоявшихся организационно-правовых форм, а социальная антропология может ставить под сомнение существование наций, рассматривая их в качестве социального конструкта, так называемого «воображаемого сообщества». В связи с этим мы будем говорить о нации как феномене.

Немецкий философ Курт Хюбнер считает, что нация – это «нечто персоноподобное, как «мегантропос»: у неё индивидуальная, единственная в своем роде судьба, ей свойственно внутреннее связанное духовное и психическое развитие, которое называется её историей» [Курт Хюбнер. Нация. От забвения к возрождению – Цит. по: Татаренко, 2003, с 8].

Применение междисциплинарного подхода в исторической науке позволяет взглянуть на феномен нации относительно независимо. Мы не будем ставить термин «национа» в рамки какого-либо из определений, так как для этого понятия рамки меняются вместе с политико-правовой ситуацией. Так, М. Вебер считает, что однозначное определение нации невозможно, а о единстве можно говорить только в плане стремления к собственному государству (в отношении же общ-

ности языка, территории, этнических корней есть огромное количество нестыковок).

На наш взгляд, здесь наиболее уместен термин, разработанный немецким социологом Норбертом Элиасом – «фигурации», понимаемый как изменчивые сети взаимоотношений, которые не следует считать «фактами» [Элиас, 2001, с. 43]. Ячейками этих сетей выступают личности. Этим термином Н. Элиас пользовался для описания социальных процессов, при которых люди взаимодействуют внутри общества. По его мнению, нельзя рассматривать индивида отдельно от общества, как и общество нельзя изучать в отдельности от индивида. Примечательно, что эти «сети» взаимоотношений плетут непосредственно индивиды, отсюда сам индивид выступает субъектом фигурации. Н. Элиас наглядно объясняет принцип действия фигурации на примере коллективных танцев: мы не можем представить себе менуэт или вальс абстрактно, без танцующих людей, как не можем представить государство без его народа. То же самое и с любым другим коллективом, будь то, в нашем случае, нации или этносы. Таким образом, фигурация – это форма связи, при которой люди ориентированы друг на друга и в определенной мере взаимозависимы (в процессе воспитания, обучения, социальных действий).

Применяя эту модель к объекту нашего исследования, выделяется два уровня:

- а) Макрофигурация;
- б) Микрофигурация.

На макроуровне фигурация нации – это изменения в численности населения, составе населения, общих социальных процессах; на микроуровне – изменения национального сознания, самоидентификации и менталитета людей.

В рамках микрофигурации структура нации представляется нам следующим образом:

а) *национальный менталитет* (т. е. склад ума, «стиль мышления») – впитывается практически с молоком матери, проявляется подсознательно. Это самый крупный пласт бессознательного и представляет собой очень сложное явление, так как может формироваться в рамках как отдельных социальных, территориальных групп или этнокультурных общностей, так и целой гражданской нации. В то же время человек может сочетать в себе черты менталитета, присущего всей гражданской нации, и, например, локального этноса. Возникает интересный вопрос: что считать национальным менталитетом – менталитет

широких слоёв населения, менталитет элиты или вообще менталитет отдельных этнических или социальных групп. Некоторым образом эту сложность разъясняет существование понятия *национальной идентичности* (на наш взгляд входящей в состав национального менталитета). *Идентичность* человека – это то, как он ощущает себя в обществе, какое место отводит себе и к какому коллективу себя относит. Идентичность может быть особенной и, возможно, не будет апеллировать к общей этнической, языковой или территориальной принадлежности. Например, уроженец Испании, испаноговорящий крестьянин, может иметь идентичность католика, а идентичностью выходца из Англии, имеющего все черты английского характера, будет идентичность дворянина; при этом, этим людям не так важно, к какой этнической группе они относятся, на каком языке говорят в обыденной жизни – в данном случае испанец отождествляет себя с католической верой, придерживается её правил, а англичанин ведёт себя, прежде всего, как дворянин, а не как англичанин. «Идентичность есть самовосприятие» [Гринфельд, 2008, с. 16] - отмечает профессор Бостонского университета Лия Гринфельд. При более широком охвате идентичность может складываться в *идентичность национальную*. Совсем не обязательно она будет развиваться в условиях общности этнического происхождения. Например, во Франции идентичность формировалась на основе культурных достижений и личного влияния короля, а в США вообще не может идти речи об идентичности этнической – её там просто не существует. Тем не менее, граждане США чувствует свою принадлежность к государству, а именно принадлежность к *нации*;

б) *национальный характер*, включающий в себя особенности поведения, национальные стереотипы и чувства (чувство долга, патриотизма, любви к Родине и т.д.);

в) *национальное сознание* – pragматический уровень, полностью осмыслиенный. Включает в себя традиции, обычай, однако, человек сам решает, следовать им или нет, в зависимости от сформировавшихся интересов.

Макрофигурация нации требует конкретных исторических примеров и будет рассмотрена в следующих практических главах. В связи с тем, что был затронут вопрос об этносах и этничности, остановимся подробнее на этих понятиях.

1.2 Основные подходы в изучении понятий «этнос» и «этничность». Отличия этноса от нации.

В связи со сложностью и достаточной неопределенностью в определении «нации», возникает необходимость развести понятия «нация» и «этнос». В трактовках некоторых исследователей «этнос» и «нация» – синонимы. Мы не считаем эти слова синонимичными и видим необходимым провести небольшой историографический экскурс в подходы к определению *этноса* и *этничности*.

В настоящее время существует пять основных подходов в исследовании понятия «этнос»:

а) *Комплексно-генетический*. Эта версия была сформулирована советским историком и этнографом Юлианом Бромлеем и получила наибольшее распространение среди отечественных исследователей. Согласно подходу все этносы характеризуются следующими свойствами:

- 1) язык;
- 2) культура;
- 3) этническое самосознание.

Эти свойства формируются в следующих условиях: территориальных, природных, социально-экономических, государственно-правовых⁴.

б) *Социобиологическое понимание* – концепция Л.Н. Гумилева, который считал этнос природным феноменом, определяющим фактором которого является *географическая среда*. В его понимании существование этноса во многом связано с энергией, действующей на биополя Земли. Гипотеза заключается в том, что в определенное время наша Земля подвергается космическому излучению, которое подталкивает людей к действию. Этот феномен Гумилев назвал пассионарностью. Действуя совместно, люди вырабатывают общие идеи, у них рождаются общие черты характера, формируются стереотипы, что приводит к образованию этносов. Этнос в представлении Гумилева в момент пассионарного толчка заряжается энергией, затем он эту энергию тратит, а далее два пути: либо он переходит к более менее гармоничному взаимодействию с окружающей средой, либо разрывается на части (что часто и происходило с различными

⁴ Подробнее см.: Очерки теории этноса / Бромлей Юлиан Владимирович; Послесл. Бромлей Наталья Яковлевна. - Изд. 3-е, испр.. - Москва; Москва: URSS: ЛИБРОКОМ, 2009. - 436 с.; Бромлей Ю.В. К характеристике понятия этнос // Расы и народы. - М., 1971. - С. 9-33.

этносами на протяжении истории). Общий стереотип поведения – главный признак при характеристике Гумилевым этноса⁵.

в) *Информационная связь в основе этноса.* Авторы концепции советский этнограф Н.Н. Чебоксаров и социальный антрополог С.А. Арутюнов предлагают описывать механизм существования этносов на основе информационных связей, существующих в виде различных форм отношений. При общении друг с другом люди включаются в информационный поток, внутри которого и взаимодействуют. Информация передается в форме устной и письменной речи, демонстрации, подражания⁶.

г) *Психологическое понимание* – деление на «своих» и «чужих». Данный подход весьма популярен среди западных исследователей. Множество работ в своих названиях или в названиях глав имеют слова *«us and them»*⁷.

д) *Системно-статистическая (компонентная) теория* основана Г.Е. Марковым и В.В. Пименовым. В их понимании этнос – это «исторически возникшая и эволюционирующая, сложная, самовоспроизводящаяся и саморегулирующаяся социальная система, обладающая многосоставной композицией (структурой)» [Теории этноса в отечественной этнологии / История Мира. Публичная историческая библиотека]. К основным компонентам данной теории относятся: демографическая и территориальная составляющая этноса, характер производственно-экономической деятельности того или иного этноса, система социальных институтов, язык, культура, быт, стереотипы поведения, обычай, привычки, обряды, психологическое восприятие своего этноса и общей этнической картины мира, система личностного взаимодействия. Таким образом, этнос в соответствии с данной теорией является системой, прежде всего, социальной и способен к саморегуляции и самовоспроизводству⁸.

⁵ Подробнее см.: Этногенез и биосфера Земли / Гумилев Лев Николаевич. - Санкт-Петербург; Санкт-Петербург: Кристалл: Кристалл, 2001. - 638 с., а также: Этносфера: история людей и история природы / Гумилев Лев Николаевич. - Санкт-Петербург; Москва: Кристалл: ОНИКС, 2003. - 571 с.

⁶ Подробнее см.: Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. - М., 1989. - С. 5-15, 128-158, 200-205], также: Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Рассы и народы. - 1972. - Вып. 2. - С. 8-30

⁷ «Мы и они» (англ.)

⁸ Подробнее см.: В.В. Пименов. Еще раз об определении понятия «этнос» // Вопросы археологии Урала. Вып. 13, Свердловск: 1975. 156 с.; также: Этнология. Под ред. Г.Е. Маркова и В.В. Пименова. - М., 1994. - С. 44-53.

Основные подходы к пониманию этничности выглядят следующим образом:

а) *Примордиализм* (ведущие авторы концепции: П. ван ден Берге, К. Гирц, Ф. Барт⁹)

Этничность в рамках данной концепции – это органичное образование, не обязательно идеологизированное. Этничность рассматривается как объективная данность, изначальная (*примордиальная*, т.е. исконная) характеристика человечества. Этнос – это как социальные, так и биологические сообщества. Примордиалисты условно делятся на два направления:

1) Социобиологическое (Н. Гумилев);

2) Эволюционно-историческое (Ю. Бромлей).

б) *Инструментализм* (основной вклад внесли следующие исследователи: А. Коэн, А. Эпштейн, Н. Глайзер, М. Бэнкс, Д. Хоровитц, Э. Смит, М. Бэнтон, М. Фишер, Д. Мойнихен)

Этничность – это социальный инструмент, а именно – средство для достижения групповых интересов, мобилизации в политической борьбе [8, с. 4]. Появление этничности обусловлено стремлением изменить свой социальный статус, подняться в высшие слои общества, пользуясь привилегированным положением своего этноса¹⁰.

в) *Конструктивизм* (авторы, работающие в этом направлении: Б. Андерсон, Р. Бурдье, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, В.А. Тишков)

Этничность в представлении конструктивистов – это социальная конструкция, не имеющая объективных корней. Этнос – прежде всего, искусственно образование-конструкт, результат целенаправленной деятельности интеллектуальной элиты. Данный конструкт транслируется на представителей общества через использование СМИ, системы образования и воспитания. Таким образом, этнос – это искусственное политизированное образование. Человек имеет ту или иную этническую предрасположенность, но она может и не проявляться, а может и развиться, благодаря действию идеологического аппарата и пропаганде¹¹.

⁹ Подробнее см.: Барт, Фредерик / Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий / под ред. Фредрика Барта; пер. с англ. Игоря Пильщикова. - М.: Новое изд-во, 2006. – 198 с.

¹⁰ Подробнее см.: Токарев С.А. История зарубежной этнографии. - М., 1978

¹¹ Подробнее см.: Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. - Спб., 1998, а также: Геллнер Э. Нации и национализм. - М.: Прогресс, 1992; Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма: Пер. с англ. / Андерсон Бенедикт

Мы будем исходить из того, что этнос – это категория, прежде всего, культурная; нация же – это политический феномен, а именно конструкт, формировавшийся политической и интеллектуальной элитой с помощью различных средств. При этом данный конструкт собрал в себя также исторически сложившиеся (при минимальном влиянии политической и интеллектуальной элиты или независимо от неё) национальный менталитет, сознание и характер.

1.3 Об эволюции смысла нации. Характеристика нации.

Само слово «нация» заимствовано из латыни. В античности *natio* означало общность людей (род, племя, клан), проживающих на ограниченной территории. В частности Тацит всех германцев называл народом (*populus*), а отдельные племена – *nationes*. Понятие *natio* первоначально имело отрицательный характер, ведь статус иноземцев в Древнем Риме был гораздо ниже статуса полноправных граждан. Аналогом *natio* в греческом языке является слово *ta ethne*, также употреблявшееся по отношению к иностранцам [Гринфельд, 2008, с. 9]. В Средние века это слово начинает использоваться применительно к гильдиям, цехам, реже – землячествам [Оль, Ромашов, 2002, с. 7]. Тем не менее, стоит заострить внимание на сюжете о средневековых студенческих сообществах – землячествах, встречавшихся в некоторых западноевропейских университетах. Студенты объединялись в сообщества по двум признакам: географическому и лингвистическому. Например, в Парижском университете существовало четыре нации: Почётная нация Франции (*L'honorable nation de France*), Верная нация Пикардии (*La fidèle nation de Picardie*), Почтенная нация Нормандии (*La venerable nation de Normandie*), Неизменная нация Германии (*La constant nation de Germanie*) [Гринфельд, 2008, с. 9]. Нация Франции состояла из французских, итальянских и испанских студентов, студенты из Англии и Германии входили в нацию Германии, пикардийская нация включала в себя голландцев, а нормандская – студентов из северо-восточных районов. Особенностью являлось то, что национальная идентичность у студентов проявлялась только во время учебы за границей. Возможно, это связано с тем, что, как правило, в схоластических диспутах нациям приходилось выступать в качестве противников, что формировало сплоченность. Члены нации поддерживали друг друга, а в процессе диспутов внутри нации формировалась единая точка зрения, и ставились цели. То

дикт; Предисл. Баньковская Светлана П., Кол.авт. Институт социологии РАН. - Москва; Канон-Пресс: Канон-Пресс: Кучково поле, 2001. – 286 с.; Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. – 1997. - № 3. – С. 3-21

есть, несмотря на разделение студентов по территориально-лингвистическому принципу, главным фактором противопоставления в университете являлся не этнонациональный принцип, а интеллектуальное соперничество.

Таким образом, слово «нация» в Средние века утрачивает негативный характер, начинает обозначать сообщество людей, объединенных не просто языком и территорией, но еще и общей целью и определенными принципами. Чуть позже появляется еще одно значение «нации». Так как университеты являлись кузницей кадров для церкви, нередко их представители направлялись на церковные соборы для участия в разрешении текущих вопросов. С конца XIII в. (Второй Лионский собор 1274 г.) нация начинает представлять собой сообщество людей, объединенных единым мнением («внутрицерковный подход») [Там же, с. 10]. В связи с тем, что власть светская и религиозная часто переплетались, «нация» получила еще одну трактовку: «сообщество, представляющее культурную и политическую власть, или значение политической культурной, а впоследствии и социальной элиты» [Там же, с. 10].

Во времена формирования централизованных государств нация рассматривается как совокупность подданных, находящихся под властью суверена. «Народные массы сплачивались только отношениями крепостных к своим господам и вассалов к суверену» - пишет Фихте о данном периоде времени [Фихте, Сочинения в 2 т. – Т. 2, с. 292]. На рубеже XV–XVI веков жители Европы начинают осознавать себя частью нации, противопоставляя себе жителей других стран. Ранее люди делились по двум основным критериям: 1) конфессиональная принадлежность (католики, мусульмане, православные и т.д.); 2) территориальная принадлежность (Эразм Роттердамский, Гуго из Сен-Виктора, Геррада Ландсбергская, Антоний Падуанский, Жанна д'Арк – прежде всего, Орлеанская дева – не француженка и т.д.).

Именно в Англии в н. XVI в. слово «нация» (*nation*) впервые начало обозначать людей, населяющих страну, став синонимом слова «народ» (*people*) [Гринфельд, 2008, с. 11], таким образом, стерев элитарную окрашенность слова и распространив его на обычновенных жителей страны.

В эпоху Просвещения «нация» в Западной Европе понимается как народ, имеющий право требовать участия в политической жизни своего государства; народ, чья воля находит выражение в политической власти. Сразу у трёх писателей-просветителей присутствуют схожие понятия: «общий дух нации» (Монтескьё), «общий дух народа» (Дидро), «национальный дух» (Руссо). Таким об-

разом, нация – это социальная общность, состоящая из людей разных сословий, объединившихся для противостояния неконструктивному политическому режиму. Окончательно концепция *единой политической воли* оформилась в учении Руссо о народном суверенитете. В консолидации народа кроме общей политической воли особую роль играют народные обычаи, которые Руссо называет *национальными институтами*. К заслугам национализма можно отнести его слова в адрес польского народа: «великая нация, которая никогда особенно тесно не смешивалась со своими соседями, должна иметь много таких обычаев, какие присущи только ей; обычай эти, быть может, неудержимо вырождаются под влиянием общего стремления Европы перенять вкусы и нравы французов», эти обычай усиливают привязанность к своей родине и внушают «естественное отвращение к смешению с иностранцами» [Руссо, Педагогические сочинения: В 2 т. – Т. 2, с. 180].

О. Терри и Монтескье считали, что человека формирует история, а нация – это не данность, а общность, складывающаяся на основе формирующихся культур [Нарочницкая, 1997, с. 8]. Мысли о культурной определяющей нации высказали в XIX веке немецкие учёные Г. Штейнтал и М. Лацарус: «У каждого народа свой ум и воля, своё чувство и воображение. Они выражаются в его жизни, в религии, в его поэзии» [Штейнтал Г., Лацарус М. Мысли о народной психологии (1865), Цит. по: Нация и национализм. История и теория в текстах и документах, с. 5].

Британский историк Эрик Хобсбаум отмечает, что нация – понятие современное и всё с ней связанное – «историческая новизна» [Хобсбаум, 1998, с. 25]. Тем не менее, основы её были заложены намного раньше. Анализируя издания Словаря испанской Королевской Академии, Хобсбаум заметил, что в современном смысле термины, касающиеся нации и национализма, начинают употребляться только в 1884 г. – *lengua nacional** - по словарю, - это «официальный и литературный язык страны; язык, на котором в данной стране обычно говорят, чем он и отличается от диалектов и языков других наций» [Там же, с. 26]. До 1884 года слово *nación* означало «совокупность жителей страны, провинции или королевства». Другое значение этого слова - «иностранный». После 1884 года в испанских словарях *nación* объясняется как «государство или политическое образование, признающее высший центр в виде общего правительства». Было и еще одно значение: «территория, которая охватывает данное государство и его

* Национальный язык (исп.)

жителей, рассматриваемая как целое». Из определений видно, что главной составляющей нации является наличие централизованной высшей власти. Одно из последних истолкований это слово получило в Словаре Испанской Академии, изданном в 1925 году: «совокупность лиц, которые имеют общее этническое происхождение, говорят, как правило, на одном языке и обладают общими традициями» [Там же, с. 26-27]. Но, исходя из этого определения, получается так, что этнический фактор становится во главе листа. То есть люди, родившиеся, например, в Испании, говорящие на испанском, считающие Испанию своей родиной, но имеющие какие-либо другие этнические корни, в состав испанской нации включены не будут? Довольно спорное определение, особенно для современной ситуации.

Говоря о нациях на более конкретных примерах, испанский писатель Сальвадор де Мадарьяга в своей работе «Англичане, французы, испанцы» выделил три системы национального характера, по одной на каждую из рассматриваемых в его исследовании наций:

1. *fair play* для англичан (люди действия)
2. *le droit* для французов (люди мысли)
3. *el honor* для испанцев (люди страсти)

По мнению автора ни одно из этих словосочетаний и слов непереводимо адекватно на другие языки. Тем не менее, примерный перевод, приближающий к реальному их значению, может быть дан. Fair play с английского – честная игра, le droit с французского – право (другие значения: прямота, честность, правдивость – возможно, именно в этих значениях заключается специфика «непереводимости» данного термина), и el honor с испанского переводится, как честь, достоинство, гордость.

В Российской Империи в XIX веке резко возрастает внимание исследователей к национальному вопросу. Философские сочинения Н.А. Бердяева явились отражением реальной обстановки в Империи. Для русского народа это было время поиска своего места в мире, время расцвета русского национализма. Положения о нации, сформулированные русским социологом, культурологом и историком Н.Я. Данилевским, представляют интерес для рассмотрения и требуют некоторых комментариев.

Свой первый тезис Данилевский выразил следующим образом: «Каждая историческая национальность имеет свою собственную задачу, которую должна решить, свою идею, свою отдельную сторону жизни, тем более отличитель-

ную и оригинальную, чем отличнее сама национальность от прочих в этнографическом, общественном, религиозном и историческом отношениях» [Цит. по: Нация, государство, национализм: теория, история, практика, с. 64]. Из этого положения видно, что основные характеристики нации – это принадлежность этническая, социальная и общность религии и истории. Перед каждым народом, по его словам, стоит особая историческая задача, которую он должен выполнить. «Необходимое условие для осуществления этой исторической миссии, – пишет Данилевский. – заключается в национально-политической независимости». Также существует «право всякой народности на самостоятельное существование в той именно мере, в какой сама его сознает и имеет на него притязания». Данилевский добавляет важный постулат о необходимости целостности любого народа: «Исторический народ, пока не соберет воедино всех их частей, всех своих органов, должен считаться политическим калекою». Следующие тезисы касаются обеспечения национальной безопасности: «Идея государства есть стройная форма, приданная национальности для увеличения силы её противодействия внешним враждебным влияниям, стремящимся разложить или подчинить себе», а также «Государство тогда только может соответствовать своему предназначению, когда будет движимо одной национальной волею».

Два других его тезиса приведём полностью, так как они отражают всю сущность русского национализма XIX в. и как никогда актуальны для современной России: «Союз, общество, одним словом, всякая связь лиц, народов и государств, возможны только при взаимности, обоюдности услуг и выгод; когда же первые требуются только от одной стороны, а вторые достаются только другой, то такие отношения нельзя назвать другим именем, как эксплуатацией слабого, глупого или доверчивого сильным, умным, лукавым, или попросту – одурачиванием. Такую роль играла в Европе Россия»; «Нельзя ставить иностранные формы жизни на первое, почетное место и тем накладывать на всё русское печать «низкого и подлого», как говорилось в то время» [Там же, с. 65]. Таким образом, Н.Я. Данилевский сформулировал и изложил в основных положениях свой собственный подход к рассмотрению проблемы характеристики нации.

На волне расцвета национализма и распространения его по всему миру Бердяев отметил, что никакая идея этноса или нации не может построить рай, но она же ни в коем случае не должна превращать жизнь на земле в ад, таким

образом, на наш взгляд, призвав людей относиться к этому явлению более критично.

В наше время, особенно в России, существует путаница в понятиях: нация нередко сливается с понятием этноса. В. Тишков справедливо отмечает: «Современные государства — это нации наций» [Тишков, 2012]. Так, нацией может быть названо государственное сообщество (россияне, испанцы, французы, китайцы) или этническая общность (каталонцы, русские, буряты, уйгуры и т.д.).

1.4 К вопросу о понятии национализма.

При веберианском (историческом) подходе (когда национализм рассматривается как долговременный процесс развития, имеющий точку начала, этапы развития, совпадающий основными характеристиками в любом месте своего проявления), зарождается национализм в Англии Тюдоров, оформляется во Франции во время Французской революции, после чего распространяется по всей Европе и миру. Он появляется в тот момент, когда возникает идея «нации». В. Тишков предлагает следующее определение национализма: «Национализм — это идеологическая практика, основанная на представлении, что основой государственности, хозяйственной и культурной жизни является нация» [Тишков, 2003, с. 157]. Лия Гринфельд пишет, что «национализм есть определённое видение мира или стиль мышления» [Гринфельд, 2008, с. 9]. Это видение и стиль мышления основаны на идентификации человеком себя частью общности, эмоциональной привязанности, патриотическом чувстве и противопоставлении своего народа другим.

Что касается различных определений национализма, то, как правило, чаще всего звучит слово «идеология». Одно из таких определений предложено в книге «Gender ironies of nationalism: sexing the nation» под редакцией Тамара Майера: «Идеология, которую разделяют члены общества, принадлежащие к однородной группе, посредством которой они идентифицируют себя представителями данной нации и выражают верность идеалам своей нации — вот что мы называем национализмом» [Gender ironies of nationalism: sexing the nation / ed. Tamar Mayer, с. 1]. В.М. Михеев считает, что национализм — «это идеи национального превосходства и национальной исключительности, получающие большее или меньшее развитие в зависимости от исторической обстановки, от взаимоотношений данной нации с другими» [Цит. по: Нация, государство, национализм: теория, история, практика, стр. 60]. Есть мнение, и оно весьма оправдано, что национализм — это результат противостояния двух народов,

конфликта между ними. «На почве борьбы за справедливость и возникает национализм. Национализм представляет собой комплекс идей и чувств, порождающий неприязнь, враждебность к другому народу, к нему как к помехе на пути самоутверждения той или иной этнической общности людей» [Шевченко В.Н., Цит. Там же, с.7]. Другое дело, что в действительности есть справедливость. Для одной стороны она одна, для другой – совершенно иная.

В связи с тем, что в предыдущем параграфе мы определили *нацию* как *конструкт*, формирующийся под влиянием политической элиты, стоит отметить, что и национализм по сути своей не «естественное», данное от природы, явление. Исследователи национальных образов Восточной и Центральной Европы, а также стереотипов и мифов, сложившихся о жителях этой территории, Андрэ Герри и Нэнси Адлер делают крайне справедливое замечание: «Национализм не является результатом вековых исторических процессов, в которых глубоко застывшие чувства принадлежности к общности то проявляли себя, то вновь уходили вглубь, национализм – это весьма осмысленная хитрость, использованная предпримчивыми политиками и интеллектуалами для создания своего рода культурно-политической монополии» [Gerrits, Adler, 1995, с. 156]. Они отмечают, что с национализмом ситуация такая же, как с теми народными традициями, которые оказались совсем не народными, а сознательно в своё время внедрёнными сверху.

В наше время выделяют два основных типа национализма: гражданский (государственный) и культурный (этнический). Нельзя как противопоставлять, так и рассматривать их отдельно друг от друга. Гражданский – подразумевает управление от имени политической общности, но внутри этой, пускай даже мультикультурной общности, почти всегда существует превалирующая культура (этнос, титульная нация). Так и для культурного: «управление от имени этнической общности, но с политико-государственным компонентом» [Тишков, 2003, с. 139].

Забегая немного вперед, стоит сказать, что ногу в ногу с национализмом по Европе шагал космополитизм. Особенно это проявилось в XVIII веке, а резкий спад популярности космополитических идей произошёл в 1789 году одновременно с началом Французской революции. В это время космополитизм уступает место национализму. Тем не менее, в девятнадцатом веке у мыслителей часто рождались панъевропейские проекты. В 1882 году французский историк Жозеф Эрнест Ренан написал: «Нации не являются чем-то вечным. Они имели

начало, они будут иметь конец. Скорее всего, им на смену придет европейская конфедерация. Но это не есть закон столетия, в котором мы живем. В настоящее время существование наций хорошо, даже необходимо. Их существование является гарантом свободы, которая была потеряна если бы миром правил только один закон и один господин. Со своими различными способностями, часто диаметрально противоположными, нации служат общему делу цивилизации. Все вносят свой вклад, свою ноту в общий концерт человечества, являющийся как целое высшей идеальной реальностью, которой мы можем достичь» [Renan Ernst. Was ist Nation? (1882), Цит. по: Нация и национализм. История и теория в текстах и документах, с. 7]. Эрнест Ренан предвосхитил европейскую интеграцию (а предпосылки к ней были уже в конце XIX века) – почти за век до реального начала её воплощения. Тем не менее, в настоящее время, несмотря на внешнюю интеграцию, в Европе нарастает разлад: развивается регионализм («Европа регионов»). Заручившись поддержкой большого числа населения, политическую силу набирают радикальные партии правого толка, растут внутренние противоречия. Ситуацию обостряют миграционные процессы и кризис мультикультурализма. Таким образом, процессы объединения, как мы видим, сопровождаются развитием националистических тенденций.

Выходы. Резюмируя вышесказанное, получается, что нация – это сложное понятие, трактуемое каждой концепцией, научной школой и наукой в целом по-своему. Единого определения наций и национализма на сегодняшний день не существует. Следует понимать, что эти понятия прошли свой исторический путь развития и трансформации, поэтому национализм XV в. отличается от национализма XVII в. и уж тем более от современного понимания этого феномена.

Определение наиболее унифицированное предлагает Свободная энциклопедия «Википедия»: «Национализм – идеология и направление политики, базовым принципом которых является тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства и её первичности в государствообразующем процессе. Отличается многообразием течений, некоторые из них противоречат друг другу. Как политическое движение, национализм стремится к отстаиванию интересов национальной общности в отношениях с государственной властью» [Википедия. Свободная энциклопедия]. Автор данного дипломного сочинения в целом согласен с подобной формулировкой. Однако в связи с тем, что мы говорим о национализме, не только как о политическом явлении, но, прежде всего,

как об историческом, это определение стоило бы дополнить тезисом о том, что национализм – это еще и длительный исторический процесс формирования национального самосознания и идентичности различных общностей под влиянием конкретной исторической обстановки (социополитической, экономической, культурной) и господствующей идеологии.

В нашем исследовании для изучения *нации* мы использовали термин, введенный Н. Элиасом «фигурации», выделив макро- и микроуровни. Макроуровень фигурации наций включает в себя данные о численности населения, составе населения, общих социальных процессах, на микроуровне в рамках фигурации происходят процессы изменения национального сознания, самоидентификации и менталитета человека. Нация характеризуется наличием национального менталитета, характера, сознания и идентичности.

Рассматривая подходы к понятиям «этнос», мы пришли к выводу, что этнос характеризуется, прежде всего, культурным фактором, а нация – это политический феномен, конструкт, формировавшийся политической элитой, при этом включающий в себя исторически складывающиеся национальный менталитет, черты характера и национальные стереотипы. Этничность – еще один предмет широких дискуссий. В современном понимании этничность человека не является только биологической характеристикой, в ней обязательно присутствует социальная составляющая. В. Тишков выделяет следующие характеристики «этничности»:

- а) «разделяемые членами группы представления об общем территориальном и историческом происхождении, единый язык, общие черты материальной и духовной культуры»;
- б) «политически оформленные представления о родине и особых институтах, как, например, государственность, которые могут считаться частью того, что составляет понятие «народ»;
- в) «чувство отличительности, т.е. осознание членами группы своей принадлежности к ней, и основанные на этом формы солидарности и совместные действия» [Тишков. Этнос или этничность].

Понятие нации прошло долгий исторический путь эволюции своего значения. Итак, получилась примерно следующая схема трансформации смысла:

Группа людей, проживающих на ограниченной территории, иностранцы (Древний Рим) → люди, объединенные единым мнением (Средневековый университет) → элита (Церковные соборы) → суверенный народ (Англия н. XVI в.)

→ особый народ с предначертанной исторической миссией (XIX в. – настоящее время) [Гринфельд, 2008].

Национализм же представляет собой процесс, движимый определённой политической силой (по крайней мере, на первых его этапах) и получавший своё развитие в зависимости от поставленных целей господствовавшей в стране идеологии. Апогея это развитие достигло в конце XVIII – н. XIX веков. Это время разочарования в космополитизме и время рождения в среде европейских мыслителей первых идей об устройстве национальных государств в современном понимании.

Глава II

Начальный этап формирования национального сознания и идентичности в странах Западной Европы н. XVI-к. XVII вв.

*У каждого народа свой ум и воля, своё чувство и воображение.
Они выражаются в его жизни, в религии, в его поэзии*

Штейнтал Г., Лацарус М

2.1 Предпосылки формирования наций.

Зачастую всё связанное с нациями и национализмом в сознании начинающих исследователей этого вопроса ассоциируется в первую очередь с Новым временем. Тем же образом феодализм принято относить к Средневековью, но на деле эти процессы намного более растянуты во времени. Так, корни национализма тянутся глубоко в Средние века, а наступление Нового времени отнюдь не означает сиюминутное окончание феодализма. Леон Типтон в книге «Национализм в Средние века» пишет: «Обычно такие знаменитые исторические «измы» медленно зарождаются, и столь же медленно отмирают» [Nationalism in the Middle Ages / ed. C. Leon Tipton, c. 1]. Известный французский историк Школы «Анналов» Марк Блок отмечает, что для европейских народов общность языка уже к XII в. играет «жизненно важную роль в развитии прогрессивного чувства «национального самосознания» [Цит. Там же, с. 3]. Отношение средневекового человека к Отечеству (*fatherland*) еще значительно отличается от отношения человека Нового времени, но само существование такого слова говорит о наличии элементарных зерен национализма. Сложность разговора о национальной идентичности в Средние века и даже в Раннее Новое время, как считает Джеральд Ньюмэн, заключается в том, что внутри народов в это время еще существуют явные различия в языке, религии и культуре. Но позже происходит постепенная унификация – рождаются черты и идеи, применимые к большей части населения государств [Newman, 1987].

В западной историографии национализм до наступления Нового времени часто берут в кавычки, именуя его ранние проявления «национальным сознанием» (*national consciousness*), «зарождающимся национализмом» (*incipient nationalism*) и национализмом «скрытым» (*latent nationalism*) [Nationalism in the

Middle Ages / ed. C. Leon Tipton, с. 2]. В связи с этим американский философ и историк Ханс Кон предостерегает нас от трансляции современного понятия в прошлое. Действительно, на наш взгляд, существует опасность уйти в своём исследовании в сторону анахронизма. Важно понять людей той эпохи, их мысли, чувства, нарисовать отчетливую картину их жизни. Французский историк, сторонник понимающей истории, Анри-Ирене Марр писал: «Как можно понимать, не обладая способностью становиться сопричастным другому, переживать его страсти и передумывать его мысли в том же виде, что и он?..» [Цит. по: Словарь историка, с. 16]. Английский философ, социальный антрополог Эрнест Геллнер отмечает, что понятия «нация» и «национализм» актуальны только для современного (*modern*) периода истории. Таким образом, в данном дипломном сочинении перед нами встаёт сложная задача не переносить современные понятия на прошлое и мыслить категориями людей того времени, а не современными.

Американский историк Карлтон Хэйес (16.05.1882 - 02.09.1964 гг.), служивший послом в Испании во время II Мировой войны, делает следующее замечание: «В Европе умы людей XVI в. долгое время занимали размышления о наилучшей форме политической организации, и лучшим вариантом считалось государство в форме огромной империи, объединяющей различные народы и народности общими обязательствами перед законом и верностью государству» [Hayes, 1931, с. 3]. В связи с этим «имперским» мышлением важно отметить роль королевской власти в формировании национального сознания. В периоды борьбы с церковной властью возвзвание к национальным чувствам народа стало одним из инструментов консолидации, выгодной для светской власти. Что можно было противопоставить религиозной идентичности? Только идентичность национальную, пусть таковой еще почти не было. Таким образом, это подтверждает тезис исследователей конструктивного направления о том, что нация – это, главным образом, конструкт, навязанный правящей элитой.

Церковь же в этом процессе играет двойственную роль. С одной стороны, будучи мощным институтом консолидации народа для борьбы с иноземными захватчиками, она способствует активному складыванию наций. Такое встречалось в странах, попавших в зависимость от государства с иной религией, а также при опасности завоевания таковой. Так, католичество – это оплот национально-культурной консолидации в средневековой Испании, затем в Португалии и Ирландии. Православие подобную роль сыграло в Болгарии и Сербии. В

Чехии большой вклад в национальное строительство внесло движение гуситов; для евреев консолидационной силой стал иудаизм. Касаясь Англии, в рамках этого примера следует вспомнить пуританскую революцию.

С другой стороны, на значительной части Западной Европы воздействие религии было иным. Папство осуждало принцип национально-государственных суверенитетов (называя их ересью). Реформация и борьба течений христианства внутренне разделяли формирующиеся нации. Таким образом, в данном случае церковь – тормоз, а национальное сознание формировалось в этих условиях преимущественно в светских кругах.

2.1.1 Общие тенденции

Нация, в современной и наиболее характерной для Нового времени трактовке, впервые зарождается в Англии. Как было отмечено в предыдущей главе, именно в Англии в н. XVI в. «нация» (*nation*) становится синонимом слова «народ» (*people*). Тем не менее, на протяжении Средних веков пробуждение английского национального сознания происходило очень медленно, несмотря на островное положение Англии. Этому препятствовали постоянные перемещения разных племён и чужеземцев, которые являлись помехой для сложения нации. В предыдущей главе мы упоминали Парижский университет, в котором в Средние века студенческие группы именовались *нациями*. Это говорит о том, что во Франции слово *natio* находилось в активном использовании. Обозначало оно не только студенческие общности, но и любые другие объединения, будь то церковные или купеческие землячества. Такая же ситуация с употреблением немецкого *nation* в германских землях. Слово *nación*¹² в самых различных трактовках встречается и в испанских источниках XV–XVII вв. В основном оно означало группу лиц, объединенных каким-либо общим делом, профессией, религией, иной социальной связью. Также нациями назывались землячества, а наёмники имперской армии различались по нациям. С XVI в. термин «национа» в Испании получает политическую окраску и входит в наиболее широкое употребление, о чём речь пойдёт в следующих разделах главы.

Этнический состав всех рассматриваемых нами европейских стран был весьма пёстрым. На фоне большого количества этнических групп, проживающих на территории Англии, особенно выделялись следующие:

- а) пикты; бритты, скотты (кельтские племена);
- б) англы, саксы, фризы (германская языковая группа);

¹² Нация (исп.)

- в) даны (скандинавские племена);
- г) норманны, французы из Нормандии.

Процесс слияния народов, проживающих на островной Англии, завершился лишь к XIII-XIV вв. В результате образовалась самая многочисленная народность – англичане. До XIV в. преобладало влияние франкоговорящих за-воевателей, а высшее общество было преимущественно многоязычным. Примером тому Великая хартия вольностей (*Magna Charta Libertatum*) – основополагающий английский законодательный документ – написанный на латинском и французском. Само употребление латыни в художественной, научной литературе, законодательных актах было необходимо для участия в международных делах, которые, как правило, без ведома церковных структур не проходили. Французский использовался для коммуникации в среде знати. Ну а родной английский употреблялся при обращении к простому народу.

С XIV века английский начинает набирать силу и постепенно вытесняет французский из судопроизводства и светской жизни. С 1362 г. парламент проводит все свои сессии на английском языке [Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории, с. 12]. Обосновывается это плохим знанием французского в среде простого народа. В это время приходские школы переходят на обучению на английском, а в семьях, приближенных ко двору, при обучении детей французский уступает английскому. Юридические документы англизируются с конца 1380-х гг [Там же, с. 13].

Вплоть до конца XV века Англия – небогатая, отстающая страна, в какой-то мере обслуживающая интересы Франции. Население Англии в это время – около 3 млн. человек. Для сравнения в Испании проживало 6 млн., во Франции и Германии по 12 млн. человек [Там же, с. 14]. После окончания «Столетней войны» (1337-1453 гг.), начала правления Тюдоров (1485 г.), в Англии происходит подъем национального самосознания. Потеряв свои владения во Франции, королевский дом обратил внимание на внутреннюю ситуацию в стране. В связи с Великими географическими открытиями Британские острова стали одним из ключевых пунктов отправления в Новый свет, что в дальнейшем станет важнейшим фактором экономического и политического подъёма Англии. Нужно отметить, что уже в XIV в. парламент прочно укрепляется в политической системе.

Еще один фактор подъема национального сознания – возвышение центральной власти. В результате продолжительной гражданской войны Белой а

Алой роз количество лордов значительно сократилось, их сила была исчерпана¹³. Тюдоры, пришедшие к власти, относились к исконно английской династии, чем все их представители гордились и что постоянно подчеркивали. Сплочение народа вокруг английского короля – еще один фактор подъема.

Нередко можно услышать высказывания об этнической монолитности французской нации, на самом же деле Франция – такое же полигетническое государство, как и Англия. На её территории проживали следующие крупные этнические группы:

- а) бретонцы;
- б) провансальцы;
- в) северо-французская народность;
- г) баски.

Во Франции нация не вырастает из этноса – она формируется французской монархией в течение достаточно длительного промежутка времени. Французский медиевист B.Guenée пишет: «в 1500 г., как и в 1100, во Франции сохраняется многообразие языков и нравов, но те черты, которые некогда выглядели нестерпимыми и принципиальными различиями, теперь стали всего лишь нюансами, несколько не мешающими верить в *существование единой французской нации*» [Guenée, B. Etat et nation en France au Moyen Age, Цит. по: Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории, с. 126, курсив - П.К.]

Столетняя война (1337-1453 гг.) – ключевой момент в формировании национального сознания во Франции. В это время сложилось отрицательное отношение к англичанам, как к захватчикам, и развились чувство единства перед угрозой завоевания. Идеи нации распространялись прежде всего дворянами, юристами и носили религиозный характер. С XIII в. французского короля именуют «христианнейшим», Францию же стало обычаем называть «старшей дочерью Церкви».

Ядро испанской нации формировали следующие этнические группы: баски, каталонцы, галисийцы, арагонцы, канарцы, кастильцы, валенсийцы.

В случае с Испанией достаточно говорить о формировании нации вследствие политического единства – его практически не было. Консолидация народа во время Реконкисты происходила, в первую очередь, через общность

¹³ Реальную силу, которая не ограничивалась лишь политическим авторитетом, имели к этому времени две династии (не считая правящей): Стюартов и Плантагенетов.

католической религии. В политическом же плане Испания до XVIII века – это, скорее, географическое понятие. Авторы часто употребляли слово «Испания» во множественном числе. Один историк в своём обращении к Изабелле писал: «Господь наш даровал Вам единовластие [монархию] над всеми Испаниями» [Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории, с. 234].

На Пиренейском полуострове в то время говорили на шести основных языках: кастильском, каталанском, португальском, баскском, галисийском. Плюс к этому в южных районах Испании можно было услышать и арабский язык, на котором говорили мориски¹⁴. Помимо языковых различий существовало множество местных диалектов, бывших в употреблении в исторических областях: арагонский, астурийский, леонский и т.д. Жители разных районов, говорящие на одном языке, могли не понимать друг друга. От образованного испанца, кроме знания своего местного наречия, требовалось умение общаться на кастильском и латинском языках. Не было языкового единства и в административном управлении. Барселона и Валенсия, как правило, вели документацию на каталонском и на нём же переписывались с королевским двором, несмотря на то, что кастильский был языком официально королевским. Когда говорили «испанский язык» совсем не обязательно подразумевали кастильский. Для испанцев XVI-XVII вв. такая формулировка могла означать совершенно любой язык или диалект полуострова. В плутовском романе «Жизнь Маркоса де Обregon», один из персонажей, говоря о языке жителей Барселоны, отметил: «сладостно слышать испанскую речь» [Цит. по: Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории, с. 235].

Результатом Реконкисты стало и то, что на территории Испании остались представители отличных от христианства религий, что усложняло хозяйственную и культурную стороны жизни. Произошло своего рода этноконфессиональное распределение сфер деятельности: например, для иудеев были характерны занятия торговлей, ростовщичеством, медициной. В остальные сферы, особенно военную, путь им был закрыт. Далее власть проводила политику по изгнанию иноверцев с Пиренейского полуострова. Иноверцы должны были принять христианство (после чего, всё равно оставаясь в дискриминированном положении), покинуть страну под угрозой смерти, либо остаться в положении раба (указ Карла V 1525 г. [Там же, с. 236]).

¹⁴ Обращенные в христианство арабы и берберы. В Арагоне их называли маврами, в Валенсии и Каталонии – сарацинами.

Для занятия общественной или государственной должности в Испании с н. XV в. существовала процедура проверки «чистоты крови». Кандидат должен был представить доказательства, что среди его предков не было иноверцев или осужденных Инквизицией еретиков. К тому же, проверялась «чистота занятий» его родственников. По понятной причине профессии, связанные с торговлей, не удовлетворяли эти требования.

Основу немецкого этноса заложили древнегерманские племенные объединения саксов, баваров, алеманнов, франков и др., которые смешались в первые века нашей эры с романизированным кельтским населением на юго-западе и юге Германии, и с ретами в Альпах. После раздела Франкской империи образовалось Восточно-франкское королевство с германоязычным населением. К началу X века оно стало называться Тевтонским. Самоназвание *Diutisce* (позднее *Deutsche*¹⁵) известно с середины X века, что свидетельствует о сложении немецкой общности. В X—XIV веках немцы заселяли территории восточнее Эльбы, ассимилируя местное население.

В средневековой Германии существовало множество диалектов. С к. XV-н. XVI вв. в Германии начинает формироваться общность языка. Наиболее употребительными и широко распространёнными в это время были следующие диалекты: саксонской канцелярии и венский. Рост торговых связей вызвал необходимость унификации и принятия единой языковой нормы, по крайней мере, на уровне официальной переписки. Общим диалектом в XVI в. стал саксонский, который во многом базировался на народной речи. В то же время венский диалект продолжал играть важную роль.

Создание абсолютистского государства с неограниченной властью по модели Франции в Германии было невозможно. Но таковые попытки предпринимались императорами Фридрихом III (1490-1493) и Максимилианом (1493-1519). Заинтересованными в объединении были и интеллектуалы, гуманисты, такие как Яков Вимпфeling (1450-1528) и Томас Мурнер (1475-1537). Вимфeling предлагал инициировать процесс объединения Германии «сверху», ставя во главе этого процесса императора Максимилиана. Мурнер же относился к партии, поддерживающей французского императора. В её кругах считали, что Германия может быть объединена только лишь с помощью французского императора.

¹⁵ Немец, немка (нем.)

На территории Священной Римской империи бурно развивается культура – в особенности, городская. Появляются новые университеты, в конце XV века, как и во всей Европе, распространяется книгопечатание. В XV в. произошло открытие «Германии» Тацита, что не могло не повлиять на национальное самосознание. На рубеже XV-XVI вв. возникло движение, стоявшее на позициях имперского патриотизма – «немецкий имперский патриотизм» [Отто Данн, 2003, с. 38]. Это движение, состоящее из членов императорского сословия, находилось в оппозиции к династии испанских Габсбургов и смогло добиться реформы государственного устройства империи¹⁶.

Таким образом, процесс формирования наций в Европе немалым образом был связан с формированием централизованных государств. Темпы и характер данного процесса различались в зависимости от ряда факторов, в первую очередь, от степени и характера контактов с соседями. При появлении контактов, неизбежно было стремление сравнивать себя с другими народами, определять среди них своё место. Примечательно, что в условиях общественной нестабильности, кризиса или войны у народов обостряется чувство противопоставления своего народа (нации) другим [Батурина А., 2013].

2.2. Влияние социополитической и экономической ситуации на формирование национального самосознания. Идеология в XVI-XVII вв.

В целом социополитическая и экономическая ситуация в Западной Европе XVI-XVII вв. складывалась следующим образом.

В первой половине XVI в. Испания за счет Великих географических открытий становится одной из самых влиятельных монархий среди всех европейских стран, но уже во второй половине столетия ситуация кардинально меняется. Еще будучи на пике своего величия и славы, она теряет большую часть нидерландских территорий, Бразилию, терпит поражение за поражением от поднимающейся Англии. Изнутри страну сотрясают каталонская междуусобица, восстание португальцев, а в результате Тридцатилетней войны (1618-1648 гг.) Испания окончательно теряет статус великой державы.

Социально-политические проблемы также коснулись Франции и Англии. Во Франции стабильность подрывали Гугенотские войны, в Англии Тюдоров –

¹⁶ Проект включал в себя следующие реформы: правовая – создание имперской судебной палаты, административная – введение имперских административных округов, реформа правления – введение наряду с императорской властью сословного имперского правительства.

острая идеологическое и политическое противостояние во время Реформации, а также разорительные столкновения с Испанией.

Острейшая политическая обстановка складывалась в Германии, раздробленной, сотрясаемой социальными потрясениями и войнами, религиозными противоречиями и борьбой императора с князьями.

Интенсивное формирование национального сознания и характера, выражение идей консолидации народа на основе национальной идентичности и влияние на эти процессы политической обстановки наиболее ярко наблюдалось в Англии XVI-XVII вв. Вячеслав Шестаков в своей статье писал: «Английский национальный характер – не неизменная и врожденная сущность. Он – дар истории, проявление исторического развития народа во всем его многообразии и противоречии. Это история, переплавленная в эмоциональный опыт, ставшая традицией, привычкой и эмоциональной склонностью. Поэтому понять английский характер невозможно без обращения к истории...» [Шестаков, 2000, с. 95]. В связи с этим подробнее остановимся на этой стране и её истории.

Генрих VII (1485-1509 гг.) – основатель династии Тюдоров, заложил основы принципов правления в «Тюдоровский век», сделал многое для усиления королевской власти. В его правление широко велась пропаганда, в том числе династическая. В сочинениях лояльных современников всячески подчеркивалось его происхождение от британских королей прошлого. Вообще, Тюдоровская эпоха характеризуется кардинальными мерами по изменению государственной и религиозной системы. Первым королём, решительно порвавшим с Римом, был Генрих VIII (1509-1547)¹⁷. Была основана английская национальная церковь, Уэльс объединён с Англией, заложены основы сильного морского флота. Также при Генрихе VIII были устраниены остатки феодальной раздробленности, многое сделано для усиления среднего класса и нового дворянства джентри. Им был получен титул короля Ирландии, а также принят титул Его Величества¹⁸.

Так, в истории Англии XVI в. и до возникновения пуританства Ю.М. Сапрыкин выделяет три основных политico-религиозных движения [Сапрыкин, 1985, с. 100]:

а) Англикансское

¹⁷ Необычайно ярко и достаточно точно события времени правления Генриха VIII и перипетии дворцовой жизни показаны в телевизионном сериале «Тюдоры» («The Tudors (2007-2010)», <http://www.imdb.com/title/tt0758790/>)

¹⁸ «Majesty» (англ.)

- абсолютистское направление. Во главе движения: король, его фавориты Т. Кромвель, Т. Кранмер, англиканские епископы. Главенствуют лютеранские идеи, в том числе примат светской власти над церковной. Одна из основных задач – стремление освободить национальную церковь от Папы Римского, создать собственную независимую.

б) Народное

- еретическое по религиозному выражению и антифеодальное по социальному содержанию. Анабаптисты во главе движения, основные задачи: уничтожение частной собственности, введение общности имущества, неподчинение государству.

в) Феодально-католическое

- Во главе движения абсолютистская часть феодальной аристократии и дворянства, особенно из экономически отсталых графств. Задача: полное восстановление католицизма.

В 1534 г. принят «Акт о супрематии»¹⁹, провозглашавший освобождение Англии от подчинения Папе Римскому. Генрих объявлен «Верховным главой»²⁰ [Там же, с. 102] самостоятельной англиканской церкви. В период с 1536 по 1539 гг. проходил процесс изъятия церковных богатств. Начиная с парламентского акта, упразднившего малые монастыри, католическая церковь последовательно лишалась своего имущества. Таким образом, формировалась с конца VI века христианская католическая культура была разрушена всего за несколько десятилетий. Примечательно, что сопротивление Реформации со стороны населения было незначительным. Смена религиозной идентичности народа произошла максимально быстро и «безболезненно». Венецианский посол при дворе Генриха VIII в докладе своему правительству изложил собственное видение причин происходящего: «англичане были бы столь же ревностными последователями магометанской или иудаистской веры, если бы Король исповедовал их или приказал им сделать это» [Национальная идея в Западной Европе в Новое время, с. 18]. Это показывает, что король обладал небывалым авторитетом, и национальное самосознание во многом концентрировалось на его фигуре.

Тем не менее, еще пока не стоит утверждать о стопроцентной вовлечённости народа в происходящее. Рассуждая об этом времени, Л. Гринфельд отмечает: «Связь между понятием «нация» и реальностью не была совершенной, со-

¹⁹ «Act of Supremacy» (англ.)

²⁰ «Supreme head» (англ.)

вершенство вообще встречается редко. Не весь народ Англии был фактически включен в это первое столетие его существования – и многие длительное время оставались вне её» [Гринфельд, 2008, с. 33].

Также при Генрихе произошло, по мнению Л. Гринфельд, очень важное социальное изменение, оказавшее огромное влияние на формирование национального самосознания на данном этапе: в верхах английского общества появилась мобильность. Если ранее дворянином можно было только родиться, то теперь получить знатный титул стало возможным за личные заслуги. Более того, Гринфельд считает, что именно при этих обстоятельствах и зародился **национализм** [Там же, с. 49]

Правление Марии Тюдор (1553-1558 гг.) – это время католической реакции. В результате многочисленных казней (275 обвинений со смертным приговором²¹) королева получила прозвище Кровавой. Направленный удар по протестантам вызвал отклик в росте национальных чувств и укрепил протестантскую самоидентификацию. Более всего гонениям подверглись два слоя населения: новая элита, сформированная при Тюдорах и опора королевской власти того времени из числа простого населения – процветающие ремесленники и купцы. Эти две группы были наиболее яркими носителями патриотических идей (особенно элиты). Государство в Тюдоровский век стало пониматься как «не просто наследие монарха, но содружество, сообщество и коллективное предприятие многих, по существу равных, участников». Монарх, как и все другие жители государства, являлся членом нации и непосредственно от самой нации получал право управлять ей в *общих интересах*. Мария же нарушила принцип общности интересов, поэтому людям, подвергшимся изгнанию, её правление казалось незаконным – оно было антинациональным (управление в интересах Римской католической церкви, а не английского народа) и антипротестантским. Отсюда, национальное и протестантское стало неотъемлемыми частями единого целого. И именно с этого времени в общественном сознании национальное чувство начинает превалировать над религиозным.

С началом правления Елизаветы (1558-1603 гг.) начался новый этап в развитии национального самосознания. Это время принято называть «золотым веком». Продолжавшееся усиление национальных чувств происходило на фоне

²¹ К сожалению, в наше время, после пережитых ужасов и войн XX в., эта цифра кажется не столь значительной. Однако в то время для мощного подъёма национальных чувств этого было более чем достаточно – ведь каждый погибший протестант являлся братом по вере.

вражды с испанцами. Во времена правления Елизаветы началась английская колониальная экспансия. Отставшая в исследовании морей Англия очень скоро догнала и обогнала лидирующие в мореходстве Португалию и Испанию. Ричард Хэклюйт в своём многотомном труде «Основные плавания, путешествия и открытия английской нации»²² писал: «Когда я думаю о том, что всему своё время и вижу, что время португальцев ушло, вижу наготу испанцев и то, что их долго хранимые секреты теперь раскрыты... я лелею великую надежду, что подходит наше время и теперь мы, англичане, можем разделить добычу, если мы этого сами захотим, с испанцами и португальцами в Америке и других еще не открытых землях» [Национальная идея в Западной Европе в Новое время, с. 24-25]. Таким образом, автор приравнял Англию к ведущим морским державам. Поражение Испанской Армады в 1588 г. связывалось с божественным провидением и закрепило идею о богоизбранности английской нации. В дни Армады произошла консолидация народа независимо от исповедуемой религии. По словам У. Рэли, «пусть ни один англичанин, какую бы религию он ни исповедовал, не думает об испанцах иначе как о врагах, которых он должен победить во имя нашей нации». После победы над Испанией были отчеканены медальоны, подаренные отличившимся в сражениях. На обороте медальонов был изображен Ноев ковчег (что являлось символом протестантской церкви Англии, устоявшей при потопе), а также надпись: «Невредимая и спокойная среди волн» [Там же, с. 29].

Елизаветинская эпоха – расцвет английской державы и расцвет английского национального самосознания. В. Шестаков пишет: «Английский характер не был неизменным, он постоянно развивался, принимая новые формы и характеристики. Идея национального самосознания возникает еще во времена Шекспира, который в своих пьесах рисовал образ прекрасной, хотя и раздираемой на части междуусобными войнами страны. Сегодня трудно представить англичанина елизаветинской эпохи, не обращаясь к произведениям Чосера, Шекспира или Марлоу. Это время было далекое от совершенства и рафинированной культуры. Но уже в это время возникали какие-то типичные для английского характера черты». [Шестаков, 2000, с. 86]

Во времена сорока пятилетнего правления Елизаветы вокруг её личности национальное чувство концентрировалось более всего. «Роль Елизаветы в та-

²² Haklyut R. The principal Navigations, Voyages and Discoveries of the English Nation. 1589

ком развитии событий состояла в том, что она дала официальное подтверждение английской национальной идентичности, и в немалой степени благодаря этому к концу XVI в. Англия действительно уже обладала полностью развитым национализмом и вошла в современную эпоху» [Гринфельд, 2008, с. 68]. Елизавета для своего народа являлась символом величия Англии. Как итог её правления, можно привести слова современника о том, что Англия к 1600 г. - это «независимая верховная монархия, имеющая власть не от папы или императора, не от кого-либо другого, но только от одного Бога»; однако здесь же он отмечает, что монарх не имеет полномочий издавать законы и распоряжаться короной – это он должен делать с согласия «всего парламента», хотя его власть над подданными всех рангов полная, и они обязаны оказывать ему «истинное подчинение» [Цит. по: Сапрыкин, 1985, с. 100].

Правление первых Стюартов уже не отвечало возросшим требованиям населения к тюдоровским принципам управления, к идеалу личности монарха и т.д. Яков I (1603-1625 гг.) был шотландцем, сыном Марии Стюарт, исповедавшей католицизм, царственной внешностью не выделялся. Так, образ короля не соответствовал сложившимся представлениям народа. К тому же почти сразу стало ясно, что трансформировать английскую церковь в пуританском направлении он не намерен. Это умаляло религиозные чувства значительной части английской нации. Однако Яков был первым королём, единолично правившим и Англией, и Шотландией. После него престол наследовал Карл I (1625-1649 гг.). Ни Яков, ни Карл не поддерживали мятежных протестантов на континенте, что разительно отличалось от политики Елизаветы, всегда приходившей на помощь голландским протестантам и французским гугенотам. Кроме того, Карл оказывал помочь Людовику XIII в подавлении мятежников.

Тридцатилетняя война (1618-1648 гг.) способствовала обострению внутренней обстановки в Англии. Политика, проводимая Яковом и Карлом, по мнению многих современников, угрожала существованию английской нации, ходили слухи о международном заговоре, направленном на разрушение свободы и веры Англии. Невзгоды, свалившиеся на плечи протестантов, объяснялись тем, что Англия сошла с верного пути, не оказала поддержки братьям-протестантам во время Тридцатилетней войны, в связи с чем была наказана.

Также на национальное сознание народа того времени сильно влияла этно-конфессиональная и политическая ситуация в Шотландии и Ирландии. С 1603 гг. королевства Англии и Шотландии объединены личной унией. В своих речах

Яков I избегал использования слов «Англия» и «Шотландия», заменяя их «Южной Англией» и «Северной Англией». Он предлагал идею создания единого государства «Великобритания» [Национальная идея в Западной Европе в Новое время, с. 37]. Однако серьезной поддержки эта идея не нашла. Более того, подобная формулировка оскорбляла английских парламентариев. В ответ на предложенный проект объединения государств, они высказались о шотландцах, как о бунтовщиках и нищих. В их представлении Англия была плодородным пастбищем, на которое покушалось голодное стадо. В связи с безуспешной попыткой Карла ввести новый молитвенник в Шотландии, Генеральное собрание Шотландии приняло новый национальный Ковенант²³, который привёл к войне, неудачной для королевской власти. Ковентеры в обращениях к англичанам подчёркивали, что воюют не против английского народа, но против покушения на истинную веру. Примечательно, что в этой войне национальные чувства англичан их не сплотили. Более того, многие были рады поражениям королевского войска. Мощная консолидационная сила в лице монарха, таким образом, перестала существовать. Это значительно ускорило крах английского абсолютизма.

Совсем другая политика проводилась в отношении Ирландии. Англичане к местному кельтскому населению относились как к низшей расе. С XII в. реализовывалась политика захвата ирландских земель. При Елизавете англичанам было запрещено заключать браки с ирландцами, носить ирландскую одежду и т.д. Здесь же было опробовано идеологическое обоснование колонизационных действий. Говорилось, что ирландцам недостаёт цивилизованности, что почву они возделывали нерегулярно и плохо, а сексуальные нравы их вообще отвратительны [Там же, с. 40]. Помимо всего прочего, ирландцы были католиками. Отсюда, национальная вражда осложнялась религиозными разногласиями.

Как видно из вышесказанного, немалая часть английского общества к середине XVI в. перестала идентифицировать себя с королём как фигурой и абсолютизмом как идеологией, консолидирующими общество. В н. XVII в. такими писателями, как Уинстенли и Милтон пропагандируется легенда о нормандском исходе, согласно которой, завоевание 1066 г. поработило свободных англосаксов. Эта теория была реакцией на изменения в аграрном строе XVI-XVII вв.

²³ В Шотландии Реформация была проведена раньше, чем в Англии. Национальные Ковенанты, к тому же подписанные ранее Яковым, осуждали епископальную власть и предотвращали религиозные нововведения. Попытка навязать новый молитвенник вылилась в еще один Национальный Ковенант 1638 г., приведший к войне Англии с Шотландией.

Помимо всего, росла популярность идеи свободы и равенства индивида. Идея, выросшая в эпоху гуманизма, практически предвосхищала наступление эпохи Просвещения.

Тенденции, формировавшие национальное самосознание при Тюдорах, с невероятной силой прорвались в годы революции. Ощущение, что в этот момент пишется история и английский народ в этом процессе не объект, над которым вершится чья-то воля, а субъект, непосредственно творящий историю, рождало невиданные ранее национальные чувства. Теоретические обоснования революции Оливер Кромвель воплощал на практике. Успехи Кромвеля (союз с Шотландией, завоевание Ирландии, расширение колоний, развитие торговли, рост мощи флота) в глазах народа являлись «видимыми благословениями, снизошедшими на Англию» [Там же, с. 45]. Главные ценности Кромвеля – свобода совести и свобода подданных. Национализм Кромвеля был не только религиозным, но политическим и социальным: «свободная церковь» требовала «свободного государства». В обращениях к парламенту Кромвель не раз повторял, что борется за свободу Англии. Даже после кровопролитных завоеваний в Ирландии он взывал к ирландскому народу, уверяя его, что Англия несёт только мир и свободу.

Две национальные идеи раскололи страну пополам. Этими идеями были:

а) монархическая, которая апеллировала к ценностям, исходящим от авторитета;

б) парламентская, обращённую к ценностям личного достоинства и личной свободы.

Возобладала, как нам известно, идея парламентская. Возможно, причиной тому является её традиционность (ведь в XVII в. для простого народа еще был вполне характерен средневековый традиционализм) и приверженность протестантизму. И, тем не менее, еще прошло немало времени, пока королевская личность перестала быть главнейшим фактором национальной идентичности. Война закончилась, Карл Стюарт «призван к ответу за пролитую им кровь и за тяжчайшие преступления против Бога и народа» и казнён.

Несмотря на то, что пуританская революция была по характеру религиозной, но фактически она вышла далеко за пределы круга одних только пуритан. Впервые в истории революция захлестнула весь народ. Практически каждый человек занял ту или иную сторону, проявляя свою идентичность – различную, но при любых обстоятельствах – национальную. Это был еще не традиционный

светский национализм, но он уже точно выходил за рамки этатизма и простого патриотизма.

Еще одно важное внешнеполитическое событие – англо-голландские войны (1652-1654 гг.) Они начались в связи с торговой конкуренцией двух морских держав. Отношение к голландцам было менее агрессивным, в отличие от мнений об испанцах и французах. Это связано с тем, что голландцы были протестантами. Англия стремилась как можно скорее закончить братоубийственную войну, а в 1653 г. предлагала слияние Голландии с Англией и подписание союзного договора, фактически договора о разделе мира. Этот проект свидетельствовал о разросшемся национальном самолюбии англичан.

Во второй половине XVII в., по мере стабилизации политической обстановки, вектор общественной мысли смещается от религиозных мотивов к идеям Просвещения.

Оформление абсолютной монархии во Франции сопровождалось развитием государственной идеологии и национальной идеи. У правящей элиты и интеллектуалов XVI в. сложилось мнение, что территория нынешней Франции очерчивает «естественные границы» [Nordman D. Цит. по: Национальная идея в Западной Европе в Новое время, с. 129]. Французские юристы указывают на то, что исторически сложившиеся границы Французского государства являются «естественными» (не географически, а по воле Провидения), а потому незыблемыми.

Территория Франции составляла 450-520 тыс. кв. км, в 1610 г. население равнялось 15 млн. человек, а к 1680-м выросло до 19 млн. человек [Шоню, 2008, с. 27].

В сознании католиков и государство, и религия, и нация были неразрывно связаны. Быть французом означало для них быть католиком. Сложнее вопрос о принадлежности к французской нации гугенотов. Здесь мнения рознились. Одни называли Религиозные войны братоубийственными, протестантов братьями (правда, заблудшими), а, главное, их называли согражданами. Другие были непримиримы. До событий Варфоломеевской ночи 1572 г., протестанты чувствовали свою принадлежность к нации через верную службу королю. Случившееся произвело буквально революцию в их сознании: они стали высказывать свою верность не личности короля, а всей Франции, своей Родине. Таким образом, объект национальных чувств переносится с фигуры короля на само государство.

Патриоты как католической, так и протестантской конфессий ярко выражали свою привязанность к Франции и не скрывали ненависти к иностранцам, особенно к испанцам. На это влияло внешнеполитическое противостояние испанских Габсбургов с Францией, а также сами притязания испанцев, их манеры, их любовь к противопоставлению себя другим нациям и идеи о своём высоком положении. Именно в это время отходят на второй план идеи религиозного единства. Две официально католические державы столкнулись в борьбе. Отношение к Испании хорошо показано автором анонимного памфлета «Манифест Франции к парижанам и всему французскому народу» (1589 г.): «Её империя похожа на сложенный из разрозненных кусков инкрустированный буфет; она образовалась в силу незаконных завоеваний и захватов, основана лишь на силе, удерживается силой и под действием другой силы однажды развалится» [Национальная идея в Западной Европе в Новое время, с. 132]. Этими словами автор отвергает идею об Испании как национальном государстве. Помимо всего, королевской властью велась антипапская пропаганда. Даже французские католики не принимали Папу Римского, считая его сообщником Испании.

Так, правящая и интеллектуальная элита формировали в народе представление о французской нации. Национальное чувство, как и в Англии, формировалось вокруг личности короля и его приближенных. «Королевская кровь считалась кровью Франции» – отмечает Гринфельд [Гринфельд, 2008, с. 96]. По-степенно французы начали приобретать общие характерные черты. В целом жителей Франции от других народов отличало их «благочестие», значительные успехи в науке и литературе, французское право и устройство французского общества.

Первые шаги в отделении идентичности католической (религиозной) от идентичности национальной были сделаны при кардинале Ришелье. Это проявилось в разделении точек зрения относительно вопроса о войне с католической Испанией. Тот, кто ратовал за интересы Франции и мечтал о французском господстве на континенте, принадлежал к «Славным французам²⁴», а тот, кто высказывался против войны с братьями по вере, причислял себя к «ревностным католикам²⁵» (или «благочестивым») [Там же, с. 112]. При этом сам Ришелье умело лавировал между этими двумя концепциями. Это и многое другое повлияло не лучшим образом на одобрение его деятельности со стороны народа.

²⁴ Bons Français (фр.)

²⁵ Catholiques zélé, dévots (фр.)

Францию захлестнули события Фронды, которые неминуемо всколыхнули сознание мыслящих людей. Неудачный опыт фронды спустил некоторых писателей-моралистов с небес на землю. Так, Ларошфуко после фронды «больше не верит в бескорыстную добродетель и считает себялюбие главной пружиной всех человеческих поступков» [Бахмутский, 1974 / Ларошфуко «Максими», с. 10]. После смерти Ришелье и Людовика XIII, взошёл на трон пятилетний Людовик XIV – будущий «Король-солнце», решительно объединивший центральный аппарат управления с королевской властью. Во Франции окончательно утвердился абсолютизм.

Всеми возможными усилиями в национальном сознании людей формировался образ короля, неразрывно связанный с самим государством. Стоит вспомнить знаменитейшее выражение Людовика XIV: «Государство – это я». Л. Гринфельд считает, что именно при Людовике были заложены главные предпосылки рождения идеи нации. Это связывается с тем, что аристократия при его правлении претерпела значительные изменения. И это касается не изменения их положения – оно осталось столь же привилегированным. Однако при новом устройстве дворяне оказались как бы ненужными, бесполезными. И они это чувствовали и в их сознании начали происходить изменения – преданность королю сменялась идеей верности государству [Там же, с. 132].

Для Испании XVI век – переломный: активная военная политика и расширение территорий за счет европейского наследия Австрийского дома и завоеваний в Новом Свете значительно усложнили структуру монархии. В состав Испании вошли совершенно разные по государственному устройству территории, население, различное по языку и исповедуемой религии. В первой половине века Испания в Европе, безусловно, находится на политической и экономической вершине. Однако начавшаяся Реформация, религиозная война христиан негативно сказались на положении Испании. В 1520-1521 гг. Кастилию и Валенсию сотрясают восстания городских коммун, за ними следует восстание в Нидерландах (1539-1540 гг.). В середине века (Аугсбургский религиозный мир, 1555 г.) исчезают надежды на создание всемирной католической империи. И вообще, имперские притязания начинают уходить в прошлое. Испания – уже не центр империи, а только центр монархии. С поражением Армады Испания уже окончательно лишается политического лидерства. Тем не менее, данные переписи населения в Испанской империи на 1598 г., которые приводит в своей работе «Цивилизация Классической Европы» Пьер Шоню, поразительны. Империя

Филиппа II на тот момент контролировала 19 млн. человек в Европе, 30-40 млн. человек находились в подданстве по всему миру «от Севильи до Манилы, включая Гоа, Веракрус, Мехико и Лиму» [Шоню, 2008, с. 21]. Площадь империи равнялась 4 млн. кв. км.

И всё же Филипп III и Филипп IV получили в своё распоряжение уже не ту величественную империю, коей была Испания на протяжении XVI в., особенно в первой его половине. Вместо былого могущества империи они унаследовали лишь войны и восстания. В 1640 г. отделяется Португалия, восстаёт Каталония. 1647 г. – вспыхивает восстание в Неаполитанском королевстве. Всё это вызывает небывалый отклик в общественно-политической мысли Испании. В политической литературе XVI-XVII вв. слово «нация» - наиболее употребительное. Разрабатываются проекты по выходу из кризиса, спасению и восстановлению государства. Именно униженное положение страны спровоцировало всплеск национальных чувств, выразившихся в многочисленных сочинениях современников.

Большое влияние на подъём национальных чувств в Германии оказала Реформация. Обращение М. Лютера «К христианскому дворянству немецкой нации» (1520 г.) является собой противопоставление папской власти немецкой нации. В 1525 г. немецкие земли сотрясла Крестьянская война. Мартин Лютер, хотя и не выдвигал идеи о национальном объединении, но своей деятельностью произвёл прогрессивный толчок к развитию консолидационных тенденций. И хотя сама крестьянская война не принесла Германии объединения – страна осталась раздробленной еще на несколько столетий – всё это подталкивало к формированию единого национального чувства.

Если относительно Испании и Англии о церкви мы говорили как о консолидационной силе, то для Германии религиозный разлад был основным тормозом в сложении единой нации. То же самое можно сказать и о XVII в.: в то время как Тридцатилетняя война играла важнейшую роль в сплочении большинства западноевропейских наций, Германия в этом вопросе снова оказалась отброшенной назад.

Немецкий исследователь Отто Данн в связи с данными фактами называет Германию «исключением из общего правила» и приводит следующие причины её исключительности:

а) Политические границы Священной Римской Империи никогда не совпадали с этническим ареалом населения;

б) Князья не были всерьёз заинтересованы в создании национального государства, ведь им удалось получить и законодательное право, и право исповедовать любую религию, и право иметь своё войско, и т.д. Их устраивало такое положение вещей, менять что-то не было необходимости;

в) Конфессиональный раскол после Реформации ещё более усложнил ситуацию [Отто Данн, 2003, с. 40].

В XVII в. распад уже еле дышавшей Священной Римской империи завершился во время Тридцатилетней войны. В результате разрушительной войны на территории в 900 тыс. кв. км население сокращается с 20 до 7 млн. человек в период с 1625 по 1645 гг. [Шоню, 2008, с. 26]

После заключения Вестфальского мира в 1648 г. для проведения хоть каких-то существенных изменений нужна была новая социальная и политическая сила с принципиально новым сознанием. И такая сила начала формироваться. Это были выходцы из бурггерства, но имевшие мало общего с ремесленным и купеческим населением городов – люди в основном новых идей, набиравших популярность в к. XVII в. – идей Просвещения: интеллигенты, чиновники, предприниматели, мелкое дворянство, а также женщины, чьи роли в этом движении неуклонно росли.

2.3 Отражение трансформации национального сознания в образовании, литературе и искусстве XVI-XVII вв.

Описанная выше социально-политическая и экономическая ситуация резко повысила интерес писателей, общественных деятелей, юристов и других представителей интеллектуальной элиты к истории своих стран. Этот интерес, а также все процессы, происходившие в обществе, не могли не получить отклика в сочинениях эпохи. Отражение процессов формирования национального сознания происходило под влиянием гуманизма. Всё происходящее в мире интерпретировалось как следствие злого начала в человеке. В этой эпохе господствуют настроения пессимизма, сомнения в добром начале личности. Герои и примеры для подражания приводятся, как правило, только из глубокого прошлого – современный мир таковых почти не производил. Только обратившись к разуму, человек мог найти дорогу к спасению. Идея разумного начала – в жизни человека, управлении государством, его устройстве – пронизывала сочинения большинства политических писателей этого периода. С разумом они призывали подходить к общественному устройству, государственному управлению и к самой жизни.

Одно из самых значимых достижений в лингвистической области того времени – это переводы Библии на национальные языки (в одних странах фрагментарно, в других – полностью). Первый полный перевод библейских книг на французский язык, именуемый «Библией де Ту» был сделан в конце XIII в. В XIV в. этот перевод пользовался большой популярностью среди французского и английского дворянства. В это же время оксфордским теологом и философом Джоном Виклифом текст Библии был переведен на английский. Полностью англизированная Библия увидела свет в 1582 г. – тогда был опубликован Новый Завет, переведенный Г. Мартином в Английском колледже в Реймсе. Первая немецкая версия Библии готовилась Мартином Лютером в 1517-1534 гг. (на основе грамматики Саксонского немецкого, богатого словарным запасом, формировавшимся в течение длительного времени немецким народом). Перевод получил огромный успех, и залогом этого успеха было как раз использование «живого языка народа» [Десницкая, 1951, с. 6]. Что касается переводов Библии на испанский, то в связи с деятельностью инквизиции для XVI, XVII и даже значительной части XVIII вв. были известны лишь подпольные протестантские переводы Библии [Людоговский. Библия / Энциклопедия Кругосвет].

В это время национальная литература уже появилась и успела занять своё место, постепенно вытесняя универсальный научный язык – латынь. У истоков английской национальной литературы стояли такие авторы, как Дж. Чосер (годы жизни: 1340-1400), У. Лэнгленд (1330-1386), Дж. Говер (1325-1408). Наблюдая за творчеством Данте, Бокаччо, Петрарки, английские писатели отказались от идеи, следуя которой, образование и литература должны быть приспособлены к церковному языку или языку элиты. Таким образом, XIV век – это время возникновения литературного английского языка.

Известным пропагандистом политики Генриха VIII был Т. Старки, выходец из оксфордского кружка «Молодых гуманистов», куда в своё время входили Томас Лапсет (английский гуманист) и Реджинальд Пол (кузен Генриха VIII). Реджинальд Пол в свою очередь остался в Италии, где приблизился ко двору Папы Римского, получил титул кардинала и участвовал в организации интервенции в Англию. Старки же остался в Англии, где пользовался благосклонностью Томаса Кромвеля и стал капелланом Генриха. Пользуясь давней дружбой Старки и Пола, правительство Англии пыталось восстановить дружбу, но этого сделать не удалось. Вскоре Генрих был отлучен от церкви, семья Пола

и графиня Солсбери казнены. В своём сочинении «Диалог между Полом и Лапсэтом»²⁶ Старкиставил три главных вопроса: что такое «истинное государство», отчего английское государство в упадке и что поможет создать «истинное государство» в Англии. Казалось бы, ответ он находит у Аристотеля: благо и процветание государства основываются на благе и процветании индивида. Старки пишет, что хоть люди и стремятся к наслаждениям, не стоит делать наслаждение главной целью жизни: «Благо человека состоит не только в духе и его добродетели, но и в теле и его процветающем положении» [Сапрыйкин, 1985, с. 83]. Компонент счастья по Старки – «изобилие мирских благ». Волю обязательно должен направлять *разум*, обладающий правильными этическими познаниями. Невежество людей – источник всего плохого, всякого порока и несчастья. В невежестве он видит проблему Англии, по его словам, некоторые люди живут лучше всех, но в силу невежества воспринимают только худшее. Естественные добродетели помогут побороть невежество: умеренность в наслаждениях тела, защита себя от насилия других людей, жизнь в обществе и творение добра, терпение перед невзгодами, почитание Бога, подчинение законам страны. Человек – это соединение души и тела, а телу, несомненно, требуется мирские блага. Счастье человека Старки видит в:

- а) здоровье, силе, красоте тела;
- б) изобилии мирских вещей, необходимых для жизни *соответственно сословию*;
- в) добродетельное поведение, благотворительность.

Основа этики Старки – существование частной собственности и сословных различий. Он отмечает, что именно собственность побуждает людей трудиться. Старки – сторонник сильного светского национального государства в Англии. Он вступал в полемику с «Утопией» Мора – государству нужны не только рабочие, но и духовные лица, и джентльмены, и слуги, ведь все они трудятся. Главной целью существования государства Старки считал способствование достижению индивидами счастья. Его взгляды отражали интересы буржуазии и нового дворянства и полностью отвечали политике, проводимой Генрихом VIII.

Вообще, во время правления Генриха VIII возникла необходимость идеиного обоснования политики, проводимой в отношении Рима и нужда в подкованных дипломатах, юристах и других профессионалах. В результате универси-

²⁶ T. Starkey. Dialogue between Pole and Lupset

теты получили большую государственную поддержку. Например, «Судебные Инны»²⁷ готовили отличных адвокатов.

Еще одним пропагандистом королевской политики Генриха VIII был Р. Морисон. Морисон опубликовал сочинение с названием, схожим с сочинением Старки: «Увещевание, дабы побудить всех англичан на защиту своей страны»²⁸.

После окончания правления Марии Тюдор, Джон Фокс (1516-1587 гг.), бывший изгнаник, пишет «Книгу мучеников». В ней он публикует документы о протестантах, пострадавших в правление Марии. В неё была включена информация, как о знатных протестантах, так и о простолюдинах, казнённых и отправленных в тюрьмы. Эта книга проводила мысль о том, что англичанам, как избранному народу, были предназначены великие дела и спасение, которое могло быть осуществлено через религиозное единство и чистоту христианского мира. Эта книга оказала колossalное влияние на формирование национального самосознания англичан. Е.А. Макарова считает, что влияние этой книги в то время было сопоставимо лишь с влиянием Библии [Национальная идея в Западной Европе в Новое время, с. 23] Всего книга переиздавалась 10 раз: 6 прижизненных переизданий и 4 переиздания посмертно.

В елизаветинскую эпоху вместе с общим государственным подъёмом английская литература переживает период расцвета. В этот период зарождается светская литература, создаётся великолепная основа для всей английской культуры. Англия обращается к творческому наследию Чосера, как поистине национальной литературе и переиздаёт его рукописи. Всё, что считалось английским приобретает огромную популярность и становится предметом почитания, гордости и восхищения. Патриотизм в «золотой век» – наивысшая добродетель. Ричард Кромптон говорил: «Никто не рождается только для самого себя, но также и для своей страны».

Наконец, творчество Уильяма Шекспира приходится именно на это время. В «Ричарде II» Шекспир восславляет Англию:

*Подумать лишь, - что царственный сей остров,
Страна величия, обитель Марса,
Трон королевский, сей второй Эдем,
Противу зол и ужасов война*

²⁷ Inns of Court (англ.)

²⁸ Известное обращение Т. Старки называлось «Увещевание к народу», 1536 г.

*Самой природой сложенная крепость,
Счастливейшего племени отчизна,
Сей мир особый, дивный сей алмаз
В серебряной оправе океана,
Который, словно замковой стеной
Иль рвом защитным ограждает остров
От зависти не столь счастливых стран;

Что Англия, священная земля,
Взрастившая великих венценосцев,
Могучий род британских королей,
Прославленных деяниями своими
Во имя рыцарства и христианства
Далеко за пределами страны, -
До родины упорных иудеев,
Где был господь спаситель погребен;
Что эта драгоценная земля,
Страна великих душ, жилище славы...*

[У. Шекспир. Ричард II / Пер. М. Донского]

Другая яркая личность, на которой мы заострим наше внимание и подобнее остановимся – это Сэр Томас Смит, английский учёный и дипломат, родившийся 23 декабря 1513 г. в Эссексе. Образование он получил в Куинз-Колледж (колледж королев) Кембриджского университета, где впоследствии стал профессором. В 1540 г. Смит отправился продолжать образование за границей (так было принято – дополнением к образованию, полученному в своей стране, необходимо было посетить другие страны, дабы его образование считалось завершённым). За границей он учился во Франции и Италии, получил учёную степень в Университете Падуи и вернулся в Кембридж в 1542 г. После его назначения профессором гражданского права королевской кафедры он стал одним из крупнейших классических учёных Англии. Кроме права его интересовал греческий язык. В 1547 г. он занял пост ректора Колледжа Итон (школа для мальчиков из аристократических семей, которая готовила их к учёбе в Королевском колледже) и декана Карлайлского собора.

Смит исповедовал протестантизм, благодаря чему поднялся при короле Эдуарде VI, лишился всего при Марии Тюдор и снова вернул былые позиции

при Елизавете, заслужив её полное доверие. Скончался он 12 августа 1577. [Wikipedia. The Free Encyclopedia / Thomas Smith].

Его работа «De Republica Anglorum, The Manner of Government or Police of the Realme of England», более всего нас интересующая, опубликована в 1583 г. В этом политico-правовом произведении объясняется и обосновывается легитимность принципов управления в английском государстве. Смит апеллирует к праву – греческих полисов, а также к праву римскому, приводит много примеров из античной истории. Главная задача этого произведения, в нашем понимании, – доказать бесспорную законность существующего строя. Е.А. Макарова считает, что это произведение пропагандировало королевскую власть, которая стала в то время центром всей национальной жизни страны. Она приводит следующую цитату: «Король – это жизнь, глава и авторитет во всех вещах, происходящих в английском королевстве» [Sir Thomas Smith. De Republica Anglorum, The Manner of Government or Police of the Realme of England. Цит. по: Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории, с. 27].

В своей работе, в главе 7, которая называется «Определение короля и тирана», Смит объясняет, чем отличается легитимный король, собственно, от тирана. Он пишет, что «по праву **тот** король, кто правит за свои заслуги перед народом или по итогам выборов и добной воле народа, **тот**, кто управляет государством по общему закону и справедливости и **тот**, кто заботится о народе не меньше, чем о самом себе» [Thomas Smith, 1583, Ch.7, выделение - П.К.]. Тиран же тот, «кто посредством силы и против воли народа взошёл на трон, тот, кто нарушает существующие законы и принимает новые без совета с народом, кто озабочен благосостоянием и интересами не своих поданных, а лишь своими собственным, своих приближённых и родственников» [Там же, Ch.7]. В следующей главе Смит даёт определение Абсолютному монарху (*Absolute King*), приводя примеры из истории, вспоминая Аристотеля. Абсолютистская модель по Смиту хороша для государства, находящегося в сложной ситуации или в состоянии войны (чем оправдывает действующий английский строй в непростой международной ситуации). В мирное же время такая модель опасна. Государству Смит даёт следующее определение: «Государством зовётся общество или объединение, состоящее из множества свободных людей, собранных вместе и объединённых по принципу согласия и доверия, целью которого является защита друг друга, как в мире, так и в войне» [Там же, Ch.10]. В Главе 16 говорится о социальном устройстве – сообразно своему стилю Смит приводит при-

меры из истории, а затем описывает принцип социального деления поданных современной Франции и Англии.

Анализируя источник, весьма интересно узнать, какие сословия выделяли современники, и как в их представлении было устроено общество: «В Англии в основном мы выделяем людей четырёх типов: джентльменов, граждан или боргера²⁹, юменов и ремесленников и рабочих³⁰. Из джентльменов первыми и главными были король, принц, герцоги, маркизы, эрлы³¹, виконты и бароны и зовутся они ... знатью ... следующими идут рыцари, оруженосцы и простые джентльмены» [Там же, Ch.16]. В следующих нескольких главах Смит подробно характеризует все сословия, даёт описания процедур перехода из одного сословия в другое, условий, требуемых для получения того или иного титула и т.д.

Книга Томаса Смита представляет собой уникальный источник по государственному и социальному устройству Англии конца XVI века, несомненно, актуальный в контексте данного дипломного сочинения. Проведя контент-анализ, удалось выяснить, что слово *nation* в работе Смита употребляется 18 раз, что совсем немало для источника XVI в.

К концу XVII в. в Англии утвердились протестантские начала в социополитической, культурной жизни, а также в принципе престолонаследия. Во времена правления Вильгельма III и периода Реставрации религиозный пыл начал постепенно иссякать. В 1666 г. предсказываемый конец света снова не наступил, что отозвалось скептическими настроениями даже в среде ревностно верующих. В это время активно развивается наука, рациональные измышления всё больше замещают теологические диспуты – чувства, вызванные религиозной революцией, переносятся с небес на землю.

Английский писатель этого времени, выразивший в своих произведениях современную ему обстановку, Джон Локк – один из ранних и самых влиятельных мыслителей Просвещения и теоретиков либерализма. Сочинения Локка оказали большое значение на творчество Вольтера, Руссо, некоторых шотландских мыслителей Просвещения и американских революционеров. В его «Двух трактатах о правлении» и «Письмах о терпимости» нашёл отражение и новый характер английской национальной идеи. В этих произведениях, прежде главнейшие факторы национальной консолидации, монархия и религия отошли на

²⁹ burgesses (англ.)

³⁰ laborers (англ.)

³¹ earles (англ.)

второй план. После событий гражданской войны «нация» стала пониматься как главный объект верности и преданности. Став очевидным и сформировавшимся явлениям, она уже не нуждалась в обосновании – ни монархическом, ни религиозном.

Большое количество свидетельств формирования национальной идентичности в Англии встречается в работах одного из крупнейших английских писателей XVII в. Джона Милтона. В своей «Речи о свободе печати, обращённой к английскому парламенту» (Ареопагитика) Милтон говорит об опасности ограничения свободы слова, верит в могущество английского народа, его великий потенциал и возносит англичан над прочими народами.

Милтон – убеждённый протестант и реформатор, его называли «пророком» революции. После возвращения из Италии в 1632 г. он уже вскоре стал активно участвовать в политической жизни. «Я видел, что открывается путь для установления подлинной свободы; что закладывается основание для освобождения человека от ига рабства и суеверия; что принципы религии, которые были первыми предметами нашей заботы, ... будут оказывать благотворное влияние на нравы и конституцию государства»³².

В обращении к парламенту, Милтон пишет следующее: «... я скажу только, что считаю вас более расположеннымми подражать изящной гуманности греков, нежели грубому высокомерию гуннских или норвежских варваров. А в те времена, политической мудрости и образованнию которых мы обязаны тем, что мы уже не *готы* и не *ютландцы*...» [Мильтон. Ареопагитика. Речь о свободе печати, обращённая к английскому парламенту (1644), с. 5]. Таким образом, Милтон доказывает просвещённость английского народа. В следующем пассаже отчетливо отражаются бытовавшие в Европе того времени национальные стереотипы: «Далее, разве нельзя назвать испорченностью всего общества ту неумеренность в пище, которая доставляет англичанам такую худую славу в других землях? Кто же будет наблюдать за нашей ежедневной трапезой? И каким способом можно удержать массы от посещения домов, где живёт и продаётся опьянение» [Там же, с. 23]. В продолжение Милтон говорит и об одеянии англичан: «Наша одежда также должна быть подвергнута цензуре каких-нибудь достойных доверия портных, чтобы в ней не мог оказаться какой-нибудь легкомысленный покрой» [Там же, с. 23]. Безусловно, автор высказывается в иро-

³² Milton's Prose / Ed. by Wallace M.W. Oxford, 1925, Цит. по – Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории / Отв. редактор В.С. Бондарчук. – М., 2005 г, с.42

нической форме, указывая на то, что далеко не все вещи можно регулировать, подвергнув цензуре: «Кто же будет следить за разговорами молодёжи обоего пола. Кто же установит правила о том, что можно говорить и чего нельзя? Наконец, кто запретит и не допустит собираться разгульным обществам? Всё это непременно и неизбежно должно существовать, и настоящая мудрость в том, чтобы сделать эти вещи наименее вредными и разворачивающими».

Милтон был очень хорошего мнения о своей нации. Ниже приведём его самое яркое высказывание: «Лорды и общины Англии! Взгляните внимательнее на тот народ, к которому вы принадлежите и которым вы управляете: это – нация с умом не ленивым и тупым, а живым, острым и проницательным; она искусна в изобретении, прилежна и сильна в исследовании и не лишена возможности достигать высших точек, до которых доходят способности человека» [Там же, с. 38-39]. Далее находим ещё один хвалебный пассаж из обращения к английскому парламенту: «Я не могу ценить так низко изобретательность, искусство, разумность, серьёзную и твёрдую рассудительность всей Англии, чтобы предположить, что все эти качества сосредотачиваются только в двадцати способных людях» [Там же, с. 31].

Даже критикуя, Милтон не перестаёт быть гордым за английский народ и подчёркивать его достоинства. Можно сказать, что его речь в защиту свободы печати, по сути, является речью в защиту английского народа: «Когда я имел честь находиться среди этих просвещенных людей (в странах с действующей цензурой – П.К.), они завидовали мне, что я родился в стране умственной свободы, какой они считали Англию, а сами только жаловались на рабство, в котором находится наука в этих землях, блеск итальянского гения затмился и в течение многих лет в Италии ничего, не появляется кроме книг, исполненных лести и пустоты. Тогда же я отыскал и посетил престарелого Галилея, который заключён был в темницу инквизиции за то, что он иначе понимал астрономию, нежели францисканские или доминиканские цензоры. И, хотя Англия стонала тогда под игом прелатов, я принял уверенность других народов в том, что Англия свободна, за залог будущего её процветания» [Мильтон. Ареопагитика. Речь о свободе печати, обращённая к английскому парламенту (1644), с. 33].

Тема свободы в работах Милтона занимает особое место. Вместе с идеями Реформации Милтон нёс дух Ренессанса, предвосхищая эпоху европейского Просвещения XVIII в. «Свобода – вот кормилица всех великих талантов: она, подобно наитию свыше, очистила и просветила наши души; она сняла оковы с

нашего разума, расширила его и высоко подняла над самим собой. ... Дайте мне, поэтому, свободу знать, свободу выражать свои мысли, а самое главное – свободу судить по своей совести»³³. Милтон считает, что многовековые цепи авторитаризма перестали удерживать английский народ: «возникла нация свободных людей, без королей и аристократии, людей свободных политически так же, как и духовно». Он весомо и доказательно показывает несостоительность и неразумность ограничения свободы печати: «Должники и преступники могут всюду ходить без надсмотрщика, а безобидные книги не могут поступить в обращение, если не видно тюремщика на их заглавном листе. И в этом опять заключается оскорбление для всего общества: если мы будем настолько наблюдать за всеми, что даже не решимся дать им в руки какой-нибудь памфлет на английском языке, то мы свидетельствуем этим, что считаем всех граждан за ... легкомысленных, порочных и безрассудных людей, что их вера и разум находятся в таком состоянии болезни и расслабления, при котором они могут только плясать под дудку цензора» [Мильтон. Ареопагитика. Речь о свободе печати, обращённая к английскому парламенту (1644), с. 31-32]

Милтон апеллирует к турецкому народу с тем, что на его землях существует цензура. Неужели Англия должна уподобиться мусульманской Турции? «Надо помнить, что цензура была приложена к делу противохристианской хитростью, с целью противодействия свету реформации и укреплять лживое учение; а это мало чем отличается от турецкой политики, запрещающей книгопечатание, чтобы оно не поколебало их Алкорана» [Там же, с. 37].

Также интерес представляет работа «Краткая история Московии и других менее известных стран, лежащих восточнее России вплоть до Китая». В ней очевидна стереотипизация представлений о народах, проживающих на малоизвестных тогда территориях. О жителях Московии Милтон пишет следующее: «Они невежественны и не испытывают от этого неудобств; пьянство – вот их самый близкий друг; они великолепные болтуны, лгуньи, льстецы и притворщики. Они очень любят грубую пищу и зловонную рыбу; напитки же их несколько лучше, ибо готовятся из разных сортов мёда; лучший делается из сладкой, тёмно-красной ягоды, называемой «Малина», которая также растёт во Франции... Но нет людей, которые жили бы столь несчастно, как бедняки в России; если есть у них хотя бы солома и вода, могут выжить; ... Многие, однако, умирают

³³ The Prose Works of John Milton. London, 1884 – 1889. Vol. III. Цит. по – Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории / Отв. редактор В.С. Бондарчук. – М., 2005 г, с.43

от голода прямо на улицах, и ни один прохожий не поможет и даже не обратит внимания» [John Milton, 1682, с. 21-22]. Позже это произведение было подвергнуто глубокой критике. Безусловно, в работе перепутаны многие факты, исажены географические данные; информация, выдаваемая за н. XVII в действительности относится к XV в., многое преувеличено, подано сугубо на вкус англичан, согласно моде. И в наше время у иностранцев до сих пор с Россией связаны многие стереотипы. Однако наверняка вполне правдиво и до сих пор во многом актуально следующее наблюдение: «Когда их отправляют за границу ... в одеяниях они столь роскошны, что сам герцог покажется одетым бедно» [John Milton, 1682, с. 22].

Говоря о французских писателях, повлиявших на формирование национального самосознания, пожалуй, стоит остановиться на Жане Бодене (годы жизни: 1530-1596). Он жил и творил в то же время, что и Мишель де Монтень – видный общественный и политический деятель Франции. Жан Боден был выходцем из простой семьи, учился в трёх университетах: Анжерском, Парижском и Тулузском. Получив юридическое образование, работал адвокатом при Парижском парламенте. Во время гугенотских войн принимал активное участие в деятельности партии «политиков», которая требовала протестантской веротерпимости. В 1576 г. Боден представлял третье сословие в Генеральных штатах в Блуа. В 1587 г. получил должность королевского прокурора Лана. Особо выделяются его работы «Метод лёгкого познания истории» (1566) и «Шесть книг о государстве» (1576). В этих трудах Боден излагает свою концепцию власти, концепцию идеолога абсолютной монархии. Книга «Метод лёгкого познания истории» в оригинале написана на латыни.

Идеалом государственного устройства для Бодена является французская абсолютная монархия. Французский монарх обладает полным суверенитетом, что дает ему право не только принимать законы, но и отменять их. Боден не признает никакие варианты ограничения деятельности монарха – ни парламентом, ни народом. Уже во вступительном слове Боден возносит королевскую фигуру: «...надеясь, что ...в своих сочинениях или в какой-либо иной форме смогу воздать благодарность государству, которому, после бессмертного Бога, мы обязаны всем» [Боден. Метод лёгкого познания истории, с. 7]. Тем не менее, есть вещи, неприкосновенные даже для монарха – это частная собственность его подданных. В своей работе Боден отмечает, что монархия может быть ограничена только «божественным правом, затем естественным правом иуважени-

ем законов и обычаев страны и, наконец, неприкосновенностью частной собственности подданных». Государь, нарушающий неприкосновенность частной собственности считается «разбойником и тираном». Противостояние наций Боден считает вполне естественным, но отнюдь не положительным процессом и объясняет это тем, что «...трудно найти народ, который не хвалился бы тем, что является коренным и урождён на своей земле, оскорбляя тем самым всеобщее согласие внутри человеческого общества» [Там же, с. 296] В связи с этим «...появляются резкие и угрожающие высказывания египтян против евреев, греков против римлян, когда они с презрением и неуважением называют других варварами» [Там же, с. 296]. Л.А. Пименова замечает, что у Бодена «национальное единство и прославление монаршей власти неотделимы друг от друга» [Национальная идея в Западной Европе в Новое время, с. 132]. В качестве доказательства приводится следующий отрывок: «Это есть, более того, всегда было, такая симпатия и гармония между правителем и галльским народом, что ни один народ никогда не окружал короля большей благодарностью, равно как и король свой народ большей любовью» [Боден. Метод лёгкого познания истории, с. 230, курсив – П.К.] Также показательна подобная хвалынь в адрес короля Франции: «О замечательный король, достойный управлять миром! Полагаясь лишь на честность и невинность собственной жизни, он не боялся осуждения со стороны злых и безнравственных людей» [Там же, с. 230].

В 1683 г. в Париже оратор Жан Соанен в своей проповеди говорил о «национальном духе» (как видим, предвосхитив Монтескье, Дидро и Вольтера). Под «национальным духом» оратор подразумевал любовь к родине. Он утверждал, что лишь патриот может считаться хорошим христианином: «Религия и родина – вот два великих предмета, которые должны постоянно нас занимать и наставлять в учении и трудах» [Национальная идея в Западной Европе в Новое время, с. 133].

Более поздний французский писатель Теодор Агриппа де Обинье (1552-1630), крупный политический и общественный деятель Франции, всесторонне развитый человек: талантливый военачальник, участник религиозных войн, поэт, писатель-романист, наконец, историк, по своим взглядам отличался от своих предшественников. По-настоящему мощная работа «Трагические поэмы», над которой он трудился несколько десятков лет (1577-1616 гг.), наиболее полно отразила общественно-политические взгляды Агриппы де Обинье. Его принадлежность к гугенотской партии и борьба с усиливающимся французским абсол-

лютизмом определила его политические взгляды. Его импульсивные, категоричные, порой, резкие высказывания отличны от рассудительных выводов Бодена и других французских писателей-историков. Он был писателем, своими идеями и принципами, уже близким к духу эпохи Просвещения. Агриппа де Обинье боролся против произвола и насилия властей, за свободу веры и равенство прав. Современное ему состояние Франции он считал более чем трагичным. Главную причину всех бед он видит в кровопролитной и разорительной гражданской войне, спровоцированной недальновидной и эгоистической политикой властей. Французскую абсолютную монархию он называет не иначе как «тирания». Однако некоторые его взгляды еще весьма вписывались в рамки уровня национального сознания, характерного для того времени. И это проявляется в его отношении к личности короля. Для него важна не столько форма правления, сколько личность правителя, а именно личность короля Франции. Образ идеального правителя ничем не отличается от того, каким его рисовали практически все писатели-гуманисты эпохи: «забота о людях и почтительность к богам», «умение трудиться и разумно хозяйствовать», «твердость и справедливость». Стоит отметить, что писатель выступает не против абсолютизма как формы правления, но против чрезмерной централизации власти, произвола и несправедливости более всего проявившейся в отношении к гугенотам и провинциальному дворянству в целом.

Не могут не привлекать взгляд историка труды трёх великих французских писателей-моралистов – Франсуа де Ларошфуко (15.09.1613 – 17.03.1680), Блеза Паскаля (19.06.1623 – 19.08.1662) и Жана де Лабрюйера (16.08.1645 – 10.05.1696). Всех их объединяет жанр, в котором они творили – афоризм. Короткие изречения, максимы позволяли существовать небольшим фрагментам сочинений вне самого текста, совершенно не теряя при этом своего смысла. Жанр, корнями уходящий в античность, возник во французской литературе в сер. XVI в. и к XVII в., во многом благодаря перу этих писателей, стал весьма популярным не только во Франции, но и во всей Европе. Авторов волновали проблемы человека, человеческих отношений, места человека в мире, его добродетели и пороки (их борьба и противопоставление), вопросы нравственные, психологические и социальные. В произведениях этих трёх авторов отразилась эпоха, в которой они жили. Собирательный образ человека в их работах – это и есть человек XVII столетия – человек, находящийся в поисках истины, своего пути и предназначения.

Среди максим, афоризмов и мыслей, встречаются и наблюдения авторов за представителями разных наций Европы: «Если швейцарца назвать человеком благородного происхождения, он оскорбится и начнёт доказывать, что все его предки – простолюдины: в противном случае его сочтут недостойным высоких должностей» [Паскаль, с. 62]. Французские писатели не могли не уделить особого внимания самим французам и их характерным чертам. Ранее мы отмечали важную роль языка в процессах формирования национальной идентичности. Важность этой роли и стремительность процессов оформления национального сознания в это время подтверждают слова Лабрюйера: «Вот уже двадцать лет, как у нас начали правильно писать и как мы стали рабами грамматики. Мы обогатили язык новыми словами, сбросили ярмо латинизмов, стали строить фразы на истинно французский лад» [Лабрюйер, с. 211]. Из следующего пассажа видна неразрывная связь между национальной и религиозной идентичностями французов: «Человеку, родившемуся христианином и французом, нечего делать в сатире: все подлинно важные темы для него под запретом. Всё же он иногда осторожно притрагивается к ним, но тотчас отворачивается и берётся за всякие пустяки, силой своего гения и красотой слога преобразуя их в нечто значительное» [Там же, с. 212].

Необычайно проницательно Блез Паскаль высказался о природе справедливости: «Справедливость – видимость, все держится на силе, но и сама сила ничто, если не будет поддержана хотя бы видимостью справедливости» [Там же, с. 17]. Для Паскаля справедливость является конструктом: «справедливость – это нечто твёрдо установленное; поэтому каждый установленный закон люди признают справедливым, даже не вникая в него, поскольку он уже установлен». В изменчивости он сравнивает её с модой на женские украшения. Паскаль своим пониманием добродетелей и пороков отличается и идёт дальше Ларошфуко. Если в понимании Ларошфуко добродетель у человека является лишь переодетым пороком, показным инструментом, использующимся для скрытия собственных пороков, то Паскаль, не отрицая максим Ларошфуко, тем не менее, доказывает и возможность обратного: «наши пороки, быть может, только переряженные добродетели». Для Паскаля более всего важна роль человека не в обществе, а в мироздании в целом.

В конце XVI столетия делаются первые шаги по обоснованию идеи испанского исторического единства. Для этого современникам необходимо было выполнить непростую задачу: обратиться к древности, временам античным. Хуан

де Мариана (1536-1624 гг.), испанский историк, теолог, член ордена иезуитов, в своей работе «Всеобщая история Испании» так и поступает. Он ведёт свою историческую линию от времён Тубала до Католических королей, от арабского завоевания до объединения после падения Гранады.

Мнения авторов XVI-XVII вв. совпадают в том, что каждой нации свойственны особые «обычаи» [Национальная идея в Западной Европе в Новое время, с. 246]. Эти обычаи есть законодательство и политические институты каждой отдельной нации. Еще один обязательный признак нации – единство религии и культа. П. Риванейра отмечает: «Все... нации мира, какими бы варварскими они ни были, всегда почитали узы религии самыми важными и необходимыми» [Цит. Там же, с. 246].

Нация в источниках эпохи характеризуется и единым психологическим типажом. Сочинения испанских авторов XVI-XVII вв. зачастую содержат целый калейдоскоп национальных образов и стереотипов. Наиболее ярко это проявилось в работах испанского философа Грасиана Бальтасара-и-Моралеса (годы жизни: 8.01.1601—6.12.1658). Грасиан жил и творил в не самое простое для Испании время. Сожаления по поводу былого испанского могущества пронизывают все его сочинения. Хотя время, в которое жил Грасиан относилось к эпохе барокко, его сочинения пропитаны традициями и духом гуманизма. Будучи очень популярным у западного читателя («Критикон» только при его жизни переиздавался более 120 раз на разных европейских языках), зарубежных исследователей и историков, Грасиан такой же известности среди отечественного читателя не получил.

Грасиан родился в семье лекаря и прошёл сложный жизненный путь. В возрасте 18 лет он стал членом Ордена Иезуитов и учился в иезуитском колледже в Таррагоне. Позже стал помощником ректора сарагосской коллегии, преподавателем латинского языка в Калатаюде, моральной теологии в Каталонии, курса философии в Валенсии. После принятия обета, Грасиан получает должность проповедника и исповедника иезуитской коллегии в г. Уэске. Членам ордена было запрещено публиковаться без соответствующего разрешения. Философские, моралистические работы Грасиана, полные критической мыслью, вряд ли прошли бы цензуру, поэтому публиковался Грасиан первое время под псевдонимом. Его провокационный взгляд на вещи, полный сатиры и блестящих метафор церковь, само собой, одобрить не могла. В конце жизни он остался совершенно один.

Грасиан обладал глубоким, острым умом. Его сочинения богаты заметками и наблюдениями об истории государств, наций и их менталитете. Грасиана можно сравнить с известным писателем французского Возрождения Мишелем де Монтенем, как его предшественником, и Вольтером³⁴, как его последователем [Пинский Л.Е. Бальтасар Грасиан и его произведения, с. 511]. Также работы Грасиана оказали огромное влияние на всю философию пессимизма немецкого писателя Артура Шопенгауэра. Многие сочинения испанского моралиста Шопенгауэр перевёл на немецкий язык. Грасиан не ставил своей целью описать историю страны или чьего-либо правления. Он был, прежде всего, умным, внимательным наблюдателем за происходящим и писателем-моралистом. В его наблюдениях за действительностью отражается та сложная эпоха, в которую автор жил и его отношение к ней. Пессимистические настроения, отражение действительности в форме диалогов, так свойственные перу Грасиана как гуманиста. Обращение в прошлое к былым героям нередко встречается в его произведениях: «О, когда же возвратятся те прежние гиганты, сыны славы!» [Бальтасар Грасиан. Карманный оракул. Критикон. с. 457-458]. Читая Грасиана создается впечатление, что всё хорошее, что было сделано – всё было сделано в прошлом. В современный писателю век не появилось ничего выдающегося, люди испортились, нравы стали совсем другими. В какой-то мере эти замечания появились не только в силу сложившейся политической, не самой благоприятной для Испании, обстановки, но они являются и отражением психологического состояния автора. В Карманном оракуле в тезисе 209 записано следующее: «нынешние люди всегда хвалят минувшие времена, жители нашей страны – блага чужой. Что минуло, то милее; что далеко – желаннее». Эти слова могут быть справедливы для любого человека – и в наше время живущего. А, может, мы сами живём сейчас не в самое простое время?

Отношение к нынешнему состоянию вещей в мире Грасиан выражает в следующих строках: «Ведь мир, у которого не поймёшь, где голова, где ноги, поистине можно назвать безголовым» [Там же, с. 107]. И ещё одно яркое изречение о современности: «Столько заблуждений, всё идёт вкривь и вкось, всё наоборот! … столько пушек да бомбард, всё охвачено пожаром войны, только и слышишь, что об осадах, штурмах, битвах, резне…» [Там же, с. 225].

³⁴ С Вольтером за его проницательный ум и популярность Грасиана сравнивает Л.Е. Пинский

Бальтасар Грасиан в своих наблюдениях не мог не высказаться по поводу социальной обстановки и социального неравенства в обществе. В его сочинениях мы не найдем осуждения такого положения вещей. По-видимому, разделение общества он считал естественным, но его возмущала царящая несправедливость: «Итак, добрые внизу, во прахе, а злые наверху» [Там же, с. 111]. Один из параграфов так и называется: «Богатый богатеет, бедный беднеет» [Там же, с. 107]. Еще одно свидетельство неизменности человеческого неравенства с привлечением уже не только испанского общества, но и других наций, мы находим здесь: «Может ли кто сделать так, чтобы у одних не было непотов³⁵, у других – фаворитов, чтобы французы не были тиранами, англичане чтобы не были столь же уродливы душой, сколь красивы телом, испанцы чтобы не были чванливы» [Там же, с. 116].

Большую часть национальных характеристик и заметок можно найти в сочинении Грасиана «Критикон», состоящего из трёх частей: «Весна детства и лето юности», «Осень зрелости, её разумная светская философия» и последняя – «Зима старости». Центральные персонажи повести – молодой, наивный Андренио и его мудрый наставник Критило путешествуют по миру, посещают разные страны, по пути им встречаются люди всех типов, а также персонифицированные аллегорические образы, словом, они проходят через все превратности Судьбы – от юной, чистой, только начинающей узнавать мир весны до конца их пути – мудрой, смиренной зимы старости.

Приведём небольшой отрывок, содержащий характеристики наций:

Вот кто-то заговорил очень громко.

- Это, наверняка испанец...

- Видишь ли, те, кому надо бы говорить потише, они-то обычно кричат громче всех.

- Совершенно верно, - тоненьким женским голосом пропицал некто – с виду француз, а на самом деле всего лишь жеманник ... у немца речи темны, как ночь [Там же, с. 121]

Грасиан противопоставляет одну нацию другой так же, как противопоставил бы один характер человека другому: «что до возраста, тут старики противостоят молодым; в темпераменте, флегматики – холерикам; в общественном состоянии, богатые – бедным; в местожительстве, испанцы – французам» [Там же, с. 121]

³⁵ Непote (фр.) - племянник

же, с. 84 курсив – П.К.] Из этого пассажа понятно, что в представлении Грасиана, вражда Испании и Франции абсолютно естественна.

Самым ярким на наш взгляд сюжетом, содержащим характеристики наций, является сюжет, повествующий о дарах Мужества [Батурин, 2013]. К мужеству, находившемуся на смертном одре явились все народы с просьбой составить в их пользу завещание. Мужество завещало народам разные части своего тела. Итальянцы получили голову Мужества со следующим напутствием: «Вы будете людьми государственными, будете обеими руками держать мир в повиновении». Французы просили руки, на что Мужество отвечало: «Ох, боюсь, ежели дать вам руки, вы мир перевернете. Будете драчливы, будете людьми крепкой руки и не дадите никому передышки – худо придется вашим соседям». Но генуэзцы «мимоходом остригли французам ногти – нечем схватить, нечем держать добычу, - а у испанцев так славно пощипали серебро, что и ведьма позавидовала бы – пили их кровушку, пока те спаи крепким сном». Англичанам Мужество завещало лицо: «Будьте красивы, как ангелы, но, боюсь, что по примеру красавиц, не сумеете отказать ни Кальвину, ни Лютеру, ни самому дьяволу. Берегитесь, как бы лисица не сказала вам: «Лицо красиво, да мозгов нет». Венецианцы просили щёки, на что все вокруг засмеялись, но Мужество сказали: «Ничего вы не понимаете, вот увидите, как они будут уплетать за обе щеки». Язык достался сицилийцам и неполитанцам, печень – ирландцам, туловище – немцам, селезенка – полякам, легкие – московитам, желудок – фламандцам и голландцам, грудь – шведам, ноги – туркам («которые всем стараются подставить ножку»), кишki – персам, африканцам – кости («чтобы было, что глодать»), спину – китайцам, сердце – «испанцам Азии» японцам, хребет – неграм [Батурин, 2013, с. 48].

В одном из эпизодов герои повести Критило и Андренио подошли к фонтану, бьющему из семи труб (символ семи смертных грехов). Около фонтана скопилось много людей, каждый пробовал из него воду. Герои наблюдали изменения, происходящие с людьми после пробы – их глаза стекленели, зрачки меняли цвет и размер. Те, кому казалось после этого всё прекрасным, были португальцы; все деяния казались больше, чем были на самом деле – то было на кастильский манер, французы мнили себя в раю, а испанцы были полны надежд. Действительно, в то время испанцы до последнего надеялись на воз-

вращение своей Родине европейского господства, чему свидетельствуют многие проекты испанских интеллектуалов по восстановлению страны³⁶.

В следующем пассаже Грасиан объясняет причину ослабления Испании: «Направилась Фортуна в Испанию наградить её всяческими благами за благочестие – прежде она Испанию жаловала, одарила её обеими Индиями и многими другими странами и победами, - но тут прохвост толкнул Фортуну так сильно, что все блага, к удивлению всего мира, перелетели во Францию. Он же давай оправдываться тем, что в Испании, видите ли, не стало людей благоразумных...» [Там же, с. 162]. Вообще, Грасиан очень много событий объясняет именно поведением Фортуны. Когда событие, согласно философии Грасиана, хорошее – Фортуна действует верно, в остальных случаях – она «промахивается».

Несмотря на любовь к своей стране и высказываемые сожаления по поводу утраты славы, Грасиан давал и критические характеристики своей нации. Но и тут не обошлось без происков Гордыни, Презрения, Себялюбия и др.: «Гордыня – во всяком зле первая, - всех опередив, забралась в Испанию, первую страну в Европе. И так пришлось ей здесь по душе, что здесь осталась; тут живёт и тут царствует со своими клевретами – Любовью-к-себе, Презрением-к-другим, Желанием-всеми-повелевать и Нежеланием-кому-либо-служить, Чванством... Щегольством, Заносчивостью, Самохвальством, Много-громко-пусторечием, Важничаньем, Пышностью, Выспренностью и всякого рода Тщеславием – владеют они тут и дворянами и простолюдинами». Сразу за этим наблюдением следует обоснование французской порочности: «Алчность, следуя за нею по пятам и, увидев, что еще не занята Франция, захватила всю эту страну... и повсюду рассадила своих бедных родственников: Скупость, Малодушие, Трусость, Рабскую приниженнность перед другими народами и готовность исполнять за гроши самую чёрную работу, оборотистое Торгашество, Привычку ходить голыми и босыми, держа башмаки подмышкой. Говорят, правда, что Фортуна, пожалев французов и пожелав облагородить низкий их нрав, одарила их знатью, но такую вычурной, что французы – это две крайности, без середины». Германию в его представлении поглотило «Чревоугодие с братцем своим Пьянством» [Там же, с. 182].

³⁶ Также об этом см. пункт 2.2. *Влияние политической ситуации на формирование национального самосознания. Идеология в XVI-XVII вв.*

Очень откровенно Грасиан описал политическую ситуацию в Германии: «Войны у них пожирают целые провинции, зато насыщают солдатские лагери – вот почему император Карл V сделал немцев чревом своего войска» [Там же, с. 182]. В Англии же, по словам Грасиана, обосновалось Непостоянство. Интересно его замечание о Московии (России) и Польше. Так, в Московии поселилась хитрость, а в Польше – простоватость. Вообще, о поляках, Грасиан говорит как о наиболее простодушной, недальновидной нации. Он пишет: «Простодушнее был, чем поляк» [Там же, с. 120]. Возможно, это объясняется особенностями системы польского сейма, когда один голос «против» мог остановить принятие закона³⁷. Тем не менее, в произведении мы находим и положительную характеристику «добролестно благочестивого» польского государя Яна Казимира (1648-1668 гг. правления), сокрушившего «тьму мятежных чудищ» [Там же, с. 210].

Двумя главными государствами Европы Грасиан называет Испанию и Францию. И основное противопоставление заключается в сравнении этих двух держав. Они – антиподы друг друга. В одном из эпизодов Критило и Андренио, преодолев Пиренеи, вышли на границу Франции с Испанией. Увидев разительные отличия, они не удивились работе одного картографа, который изобразил эти два государства на разных краях света. «Как только ступили они на почву Франции, сразу почувствовали различие во всём – в погоде, климате, воздухе, небе и земле; но куда больше – полную противоположность обитателей этих стран в нравах, умах, обычаях, склонностях, характерах, языке и одежде» [Там же, с. 223].

В споре об Испании Критило отвечает на критичные выпады Андренио:

– *Народу маловато.*

– *Зато каждый стоит сотни из другой нации.*

– *Чуждается общения с прочими государствами, вроде бы на краю света лежит.*

– *Не мешало бы еще подальше, а то все к ней стремятся и высасывают самое лучшее: Англия – тонкие вина; Голландия – дивную шерсть; Венеция – стекло; Германия - шафран; Неаполь – шёлк; Женева – сахар; Франция – лошадей...* [Там же, с. 223]

И завершается спор словами Критило о том, что Испания «в полном смысле слова – первая нация в Европе, окружённая завистью и ненавистью». Будучи

³⁷ Но мы не можем быть уверены, была ли известна такая информация Грасиану. Всё, что было восточнее Венгрии в то время «Европой» никак не считалось и представления о странах Восточной Европы базировались в основном на бытовавших тогда стереотипах.

выходцем из Арагона, Грасиан постоянно выделяет его среди других, тем самым проявляя свою локальную *идентичность*: «Арагон – это истинная Испания». Тревожной для Грасиана была обстановка в стремящейся к независимости Каталонии. Обострялось это тем, что сепаратизм каталонцев поддерживался французами.

Таким образом, в сочинениях Бальтасара Грасиана нашла яркое отражение современная обстановка – мировая и, непосредственно, испанская³⁸. По данным контент-анализа, к национальным характеристикам, особенностям и нациям в целом Грасиан в произведении «Критикон» обращается более сотни раз. Это и всё высказанное подтверждает тезис об активном формировании национального сознания и идентичности в XVII в.

Наблюдения и замечания о социальной и политической ситуации испанской и соседствующих с ней наций, можно найти и в произведениях, написанных в знаменитом жанре плутовского романа, появившегося в Испании в середине XVI в. Н. Томашевский во вступительной статье пишет: «Плутовской роман и на самом деле изображает грубую, тягостную реальность, но реальность не непосредственную, а преображенную на основе идеологических представлений и навыков, свойственных литературному мышлению создателей романа» [Плутовской Роман: Пер. с исп. Н. Томашевский, 1989].

Повесть «Хромой бес» (1641 г.) Луиса Велеса де Гевары рассказывает нам об удивительных приключениях «вечного студента» Клеофаса Переса Самбульо. Спасаясь от полиции, он оказался в доме мадридского астролога и выпустил из колбы чёрта – Хромого Беса. В качестве благодарности Бес показывает студенту реальную Испанию. Наиболее ярко изображаются города Мадрид и Севилья (центры тогдашней общественной жизни), в особенности их «тёмная» сторона, скрытая от глаз. Приподнимая крыши домов, Бес открывает завесу, закрывавшую картёжников, проституток, дебоширов, сводню и других.

Во время путешествия, остановившись в андалусийском трактире, Клеофасу и Бесу довелось завтракать с чужеземцами – французом, англичанином, итальянцем и немцем. Немец «уминал еду, лихо отбивая торт бокалами белого вина и кларета. Вскоре голова этого немца дала сильный крен, появились предвестники пищевого отравления и близящегося шторма; он совсем окосел – еще немного, и трактирщик насадил бы его на вертел и изготовил рагу» [Плутовской

³⁸ Подробнее см. Батурина А. Западноевропейская история XVII века в оценке современников. Исторические экскурсы Бальтасара Грасиана / LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013

Роман, с. 409]. Перед нами знакомый сюжет о пьянстве немецкого народа, упоминавшийся и Бальтасаром Грасианом. Таким образом, налицо сложившийся национальный стереотип. Еще один характерный для эпохи пассаж можно наблюдать в «Храмом Бесе», когда на вопрос француза «А всё же с кем вы собираетесь воевать?» Клеофас отвечал: «Со всем миром, дабы повергнуть его к стопам короля Испании» [Там же, курсив – П.К.] В этой фразе присутствует свидетельство выраженного национального чувства, которое фокусировалось на своей Родине и, что немаловажно, на личности испанского короля. Бес, переодевшись в платье кастильское тоже пожелал принять участие в столь волнистом споре: «Король Испании – это борзой благородных кровей, который гордо шествует по улице, и пусть все шавки … выскочат полаять на него, он и ухом не поведёт, пока шавок не наберётся столько, что одна из них, приняв его презрение за смиренение, дернёт приложиться к его хвосту … Тогда он вмиг обворачивается, бьёт лапой направо и налево, и все шавки, обезумев от страха, пускаются наутёк … шавки пикнуть не смеют, лишь в ярости грызут булыжник. То же происходит со всеми врагами Испании – королями, наместниками и вельможами – все они шавки супротив его католического величества, и горе тому, кто посмеет цапнуть его за хвост!» [Там же, с. 410, курсив – П.К.] Этот спор закончился потасовкой – Клеофас, не выдержав оскорблений³⁹, опрокинул скамейку и пустился в драку.

Это произведение представляет особый интерес в связи с тем, что по жанру оно максимально близко к плутовскому роману, что в то же время подразумевало близость к простому народу Испании. Оно не писалось политиками, юристами, общественными деятелями, которые были зажаты рамками ведущей идеологии, цензуры и политической толерантности. Оно отражает реальную жизнь простого обывателя, его отношение к своему народу и к другим нациям – отношение, не завуалированное вежливостью или моральными принципами⁴⁰.

Примечательно, что в более ранних произведениях, вошедших в сборник Плутовского романа («Селестина», «Жизнь Ласарильо с Тормеса, его невзгоды и злоключения», «История жизни пройдохи по имени дон Паблос») не обнаруж

³⁹ В этот момент француз кричал: «Ah, bougre, coquin espagnol!» (Ах, мерзавец, испанская сволочь! –фр.), итальянец: «Forfante, mangranto spagnuolo!» (Подлец, испанская свинья! – исп.), а англичанин: «Nitesgut!» (Бездельник! - голл. искакажённое).

⁴⁰ В сочинениях Грасиана Бальтасара, интеллектуала-моралиста, мы вряд ли встретим такие слова, как «сволочь», «шавка» или «свинья» применительно к представителям других наций, какими бы злостными врагами Испании они ни были – ни на испанском, ни на любом другом языке.

жено столь ярких национальных образов. Вполне может быть, что таковые в XV-XVI вв. если и сформировались, то столь широкого распространения, как в XVII в., ещё не получили.

На национальное самосознание испанцев особое влияние оказала «чёрная легенда». Этим термином называется европейская литература, содержащая негативные представления об Испании и испанцах, представляющая собой отклик на агрессивную политику испанских Габсбургов. Считается, что произведения «чёрной легенды» впервые начали появляться на территории Италии и Нидерландов, как наиболее подверженной внешним выпадам испанской политики [Национальная идея в Западной Европе в Новое время, с. 257].

С к. XV в. в Германии начинают всё сильнее обнаруживаться общие черты в национальном менталитете, что проявляется в унификации культуры. Литература данного периода, в отличие от средневековых житий святых, лирик миннезингеров, начинает отражать реальность жизни немецкого общества. Писатели вместо описания региональных особенностей, всё более стараются охватить под своим пером общественную жизнь всего немецкого народа. Задача такой литературы – обнаружить недостатки и найти пути их устранения. Основная форма – сатира. Это такие известные произведения, как «Корабль дураков» Себастьяна Бранта, «Заклятие дураков» Томаса Мурнера и др. Примечателен сюжет о народных песнях. Сюжеты песен рождаются из таких событий, как Реформация и крестьянские восстания, в песнях появляются обращения к немецкой нации и впервые в них звучит слово «Германия» в 1512 г. [Десницкая, 1951, с. 7].

Немецкий юрист и историк Михаэль Столляйс в статье «Общественное право и патриотизм в Священной Римской Империи»⁴¹ выделяет следующие «пики»⁴² в формировании «имперского патриотизма»:

а) Первый пик – это переходные XV-XVI века как наиболее трудное время – время религиозного и социального раскола, Реформации и общественных движений;

б) Второй пик, по мнению автора, начинается в середине Тридцатилетней войны, в районе 1635 г. и длится в течение всего правления Людовика XIV;

⁴¹ Michael Stolleis «Public Law & Patriotism in the Holy Roman Empire»

⁴² «Peaks» (англ.)

в) И третий, самый сильный, приходится на конец XVIII века [Stolleis, 1998. Public Law and Patriotism in the Holy Roman Empire / Infinite boundaries, c. 13-14].

В первый пик главной движущей силой этого процесса были интеллектуалы, вдохновляемые идеями гуманизма: Конрад Цельтис, Генрих Бебель, Яков Вимпфелинг, Себастьян Брант. Beatus Renanus, в свою очередь, редактировал и издал «Германию» Тацита – книгу, вокруг которой наиболее концентрировалось национальное чувство немецкой элиты в то время. «Немецкая свобода» тогда понималась как свобода от «крайского гнёта» [Там же, с. 17].

Из писателей этого времени особо выделяется Себастьян Франк (1499-1542 гг.) Будучи ярким представителем демократического направления немецкой историографии XVI столетия, глубоко эрудированным и образованным человеком (Франк владел латинским, греческим и древнееврейским языками), в 20-е гг. примкнул к лютеранскому лагерю, но очень скоро отошёл от этой деятельности и посвятил себя изучению истории. Его основные политические взгляды нашли свое отражение в его главных исторических произведениях: «Хроника, летопись и историческая библия от сотворения мира до 1531 г.» (1531) и «Хроника Германии» (1539). Франк стремится определить основные этапы становления современного строя – безусловно, несправедливого. У него получается картина из следующих этапов: а) возникновение собственности; б) государства; в) со словного строя; г) крепостного права. Франк презрительно относился к власти германских императоров, коих считал «папскими холопами».

Нельзя обойти вниманием и другого яркого писателя, имевшего популярность во всей Европе – Эразма Роттердамского⁴³ (1469-1536 гг.). Будучи одним из крупнейших учёных Северного Возрождения, при жизни он удостоился прозвища «князь гуманистов». Писал в основном на латыни, самое знаменитое его произведение - «Похвала глупости» (1509 г.)

В целом в течение XVI в. времени в Германии происходили два параллельных процесса:

- а) продолжалось развитие сложившихся в раннее средневековье отдельных народностей (баварской, саксонской, швабской, франконской);
- б) складывались общегосударственные черты культуры.

Активно развивается изобразительное искусство. Художники этого времени в своем творчестве отражают внутренний конфликт немецкого народа, те же

⁴³ Desiderius Erasmus Roterodamus (лат.)

проблемы Реформации и крестьянского восстания. Стоит отметить таких художников, как Ганс Гольбейн Младший (1498-1541) и его произведение, состоящее из сорока одной гравюры «Пляска смерти», Лукас Кранах Старший (1427-1553) и его иллюстрации к Библии Лютера. Альбрехт Дюрер, известный европейский мастер ксилографии, достиг вершин раннего немецкого реализма. В портрете императора Максимилиана I⁴⁴ (1519 г.) – властного, гордого, надменного, Дюрер, на мой взгляд, стремится отразить величие немецкого народа, так как с фигурой императора тогда отождествлялся сам народ. В портретах Дюре-ра мастерски сохранён характер изображаемых людей и самой эпохи.

Таким образом, литература и изобразительное искусство приобретают единые черты, особенную окраску, характерную именно немецкому народу. Единственный тормоз – феодальная раздробленность. В связи с существующей раздробленностью и разладом в кругах элиты, национальное объединение началось с консолидации культурной и языковой. В это время появляется огромное количество публистики: «политические трактаты, обзоры истории Германии, поэмы, песни, стихи, летучие листки, в которых трактовались различные вопросы, волновавшие всё немецкое общество в целом» [Там же, с. 10].

Немецкий писатель и поэт Юстус Георг Шоттель (годы жизни: 1612-1676) обобщил характерные черты немецкого народа и его отличие от других: «немцы – древнейший народ; они обладают последней мировой империей; их отличают особые добродетели – верность, мужество, а также количество героев; немцы говорят на главном языке – богатом и чистом; они располагают выдающимися культурными достижениями, именно они изобрели книгопечатание, порох и пушку; ни один народ не выдерживает сравнения с немцами» [Национальная идея в Западной Европе в Новое время, с. 401].

В связи со всем вышеизложенным, можно сделать *вывод*, что к XVII в. у людей сложились чёткие представления о своей нации и нациях соседствующих, сформировались стереотипные представления о друг друге – часто карикатурные, с заметным стремлением возвысить свою нацию и высмеять другую. Всё это находит отражение в творчестве современников. Так, П. Азар писал: «Европа казалась завершенной. Каждый её народ имел свои характерные черты, настолько общеизвестные и ярко выраженные, что достаточно было назвать его, и тут же возникал ряд закрепленных за ним эпитетов, подобно тому как мы

⁴⁴ См. Приложение, с. 1

говорим, что снег белый, а солнце яркое» [Цит. по: Национальная идея в Западной Европе в Новое время, с. 134].

Глава III

Дальнейший этап трансформации национального сознания в западноевропейских странах XVIII в. Национализм и космополитизм.

*«Поступай, как другие» – сомнительное правило
– оно всегда означает «Поступай дурно»*

Жан де Лабрюйер

3.1 Роль политики и идеологии. Социальные изменения в XVIII в.

XVIII в. – это новый этап в формировании национального сознания и идентичности европейцев, связанный с расцветом мореплавания, развитием колониальных систем, борьбой за господство, ростом городов и населения и, безусловно, интеллектуальным влиянием идей эпохи Просвещения.

Пьер Шоню выделяет два ключевых периода в эпохе Просвещения:

а) 1680-1715 гг. как время первого значимого проявления общественных наук, требования рациональных действий в политике и возникновения естественной религии. Людей, живущих в этот период, автор называет «поколением кризиса сознания», «поколением перемен»;

б) 1730-1770 гг. как время «революции в естественном движении населения» («vital revolution») [Шоню, П. Цивилизация Просвещения, с. 6], отмечая корреляцию роста населения (увеличившегося в эти годы вдвое) с происходившими качественными изменениями во всех сферах жизни общества.

Одна из особенностей эпохи Просвещения – изменение границ между людьми трёх слоёв: тех, кто читает на латыни, тех, кто свободно читает на национальных языках и всех остальных (т.е. неграмотных). Граница между первым и вторым слоем почти стирается в силу утраты латынью своего статуса, а граница между вторым и третьим укрепляется, но при этом сдвигаясь в сторону традиционного общества, вовлекая в себя всё больше населения. Одновременно с ростом населения растёт число людей, обученных грамоте⁴⁵.

Касаясь демографии, П. Шоню отмечает четыре особенности XVIII века:

а) небывалые прежде темпы роста (только в первой половине XVIII в. население Европы удваивается);

⁴⁵ Данную тенденцию П. Шоню связывает с увеличением продолжительности жизни – появился смысл вкладывать силы в обучение детей.

- б) отправная точка после XVII века как время оправления Европы от опустошительных эпидемий;
- в) рост в основном за счет периферии (колоний);
- г) рост населения с этого момента больше не останавливается, одно из важных условий этого роста – миграция.

С одной стороны, для Европы эпохи Просвещения характерен ограниченный космополитизм – вся Европа воспринимается как один населенный людьми город, с другой – налицо рост национальных идей и национализма в целом.

В начало XVIII века Англия вступила в новых условиях, в связи с чем перед ней ставились принципиально новые задачи. Это не могло не отразиться на состоянии национальной мысли, содержание которой должно было наполниться новыми идеями. Слово «Британия», возникшее в эпоху античности, вспоминалось однократно в 1604 г. Яковом I, предлагавшим проект по объединению Англии и Шотландии⁴⁶, однако, только спустя столетие в 1707 г. оно действительно возвращается в реальном политическом исполнении. Шотландия с Англией и Уэльсом, согласно унии 1707 г., сливались в «одно соединённое королевство под именем Великобритании» [Национальная идея в Западной Европе в Новое время, с. 57]. Территории соединялись под началом одного протестантского правителя, в них действовало одно законодательство, и существовала единая торговая система. То, что это не могло осуществиться в начале XVII в. и осуществилось в начале XVIII, говорит о том, что к XVIII в. сложилась сильная английская нация и былые сомнения парламента в цивилизованности шотландцев и его опасений по поводу их возможного натиска, исчезли.

Символ женщины-Британии впервые официально стал чеканиться на монетах с 1665 г. [Александр Быков. Символ Британии / Numizmat.net / URL: <http://www.numizmat.net/articles/detail.php?ID=3481>]. Несмотря на тогдашнюю Реставрацию, изменения, произошедшие во время революции, были слишком значительными, что и привело к введению символа Британии – воинственно восседающей на троне женщины в колпаке с копьём, щитом и веткой в руке⁴⁷. Семантика образа такова: Британия в образе женщины восседает на земном шаре, демонстрируя миролюбие и готовность постоять за себя. В 1687 г. образ претерпевает некоторые изменения – исчезает колпак, мы видим причёску. В правление Анны Британия переодевается в модное по тому времени облегаю-

⁴⁶ Об этом см. пункт 2.2 *Влияние социополитической и экономической ситуации на формирование национального самосознания. Идеология в XVI-XVII вв.*, с. 34

⁴⁷ См. Приложение, с. 2

щее платье. Принципиальные изменения наблюдаются на монетах к. XVIII в. – теперь Британия восседает на морских волнах, вместо копья держит трезубец (символ властителя морей), меняется причёска⁴⁸. А в 1821 г. Британия облачается в шлем и выглядит уже совсем воинственно.

Однако большинство англичан всё же негативно отнеслись к «Акту об унии». То, что понятия «Британия», «Великобритания» всё больше замещают собой понятие «Англия» оскорбляло чувства англичан. Шотландию и Англию сближала Реформация XVI в. и личная уния Стюартов XVII в. Тем не менее, шотландцы и после 1707 г. сохранили специфику религиозной организации, структуры общества и самоуправления.

С Уэльсом же отношения Англии были всегда теплее. Валлийцы не были агрессивны и многочисленны, как шотландцы. И всё же существовала и значительная трудность – больше половины населения Уэльса говорило на валлийском языке. Жители Англии, Шотландии и Уэльса оказались отделены друг от друга историческими судьбами и различным языком. До к. XVIII в. множество различий оставалось во всём остальном – от фольклора до традиционной кухни. В течение века сплочение народов соединённой Британии происходило под угрозой внешних притязаний. В основном, это были войны с Францией: 1701-1713 (Испанское наследство), 1739-1748 (Австрийское наследство), 1756-1763 (Семилетняя война), война 1775-1783 гг. и войны с Францией революционной, а затем Наполеоновской. Эти войны ставили под угрозу внутреннюю безопасность страны, стабильность роста торговли и колониальных владений. Стремление французских политиков вернуть на трон католиков Стюартов подталкивало к усилению чувств идентичности, способствовало сплачиванию протестантского народа. Англичане противопоставляли себя французам, их религии, считая, что те полны суеверий и не имеют свободы. Свобода – самое важное из того, что есть у англичан⁴⁹.

Таким образом, целостная консолидация Британии происходила не столько путём политической и культурной унификации, сколько под действием реакции на враждебных «других»⁵⁰. «Другими» для них стали враждебные страны кон-

⁴⁸ См. **Приложение**, с. 3

⁴⁹ Вместе с тем, налоги в Англии по сравнению со странами континентальной Европы были выше, а на её территории действовал суровый уголовный кодекс. Д. Дефо писал по этому поводу: «несмотря на то, что мы нация свободы, в Лондоне больше тюрем, чем в любом другом городе Европы, а возможно, столько же, сколько во всех столицах Европы, вместе взятых».

⁵⁰ Them (англ.)

тинентальной Европы и народы завоёванных ими территорий – люди другой религии, культуры, расы. Внутренне народы Британии, безусловно, объединяла общность религии. Согласно действовавшему до 1829 г. «Акту о присяге», лицам, приверженцам не англиканской церкви был закрыт доступ к занятию государственных должностей, участию в работе парламента и даже голосованию. Более того, на католиков в течение всего XVIII в. были наложены серьезные налоги, ограничивался доступ к образованию, им запрещалось носить оружие и в целом их права были существенно ущемлены.

Существует мнение, что в XVIII в. с ростом грамотности уровень нетерпимости к иным конфессиям убавился. Однако это было свойственно только образованным элитарным группам. В культуре же низов нетерпимость ярко проявлялась в форме стихийных антикатолических выступлений.

Быть богатым католиком в представлении большинства англичан означало быть расточительным, праздным, склонным к деспотизму, а быть бедным католиком – не иметь средств на существование и быть эксплуатируемым. В любом из двух случаев быть католиком значило быть экономически неэффективным.

Национальный миф, в котором Британия считается «Землёй обетованной», потому плодородной, в принципе неголословен. Хотя в целом британцы были бедны, но голодали значительно меньше своих соседей. Этот факт способствовал относительной социальной стабильности. Путешествовали британцы чаще. Они гордились торговыми достижениями своей нации. Также национальное единство закреплялось культом парламента. Почтение парламента – значительный элемент национального сознания элитарных групп.

Опасная политическая ситуация, способная привести к новой гражданской войне, сложилась в 1745. Летом этого года Карл Эдвард Стюарт высадился в Англии и попал в наиболее удачный для переворота момент – Георг II находился в Ганновере, часть армии проходила службу во Фландрии и Германии, парламент не собирался до октября, а пятитысячное войско Карла уже очень скоро было в 40 милях от Лондона. Однако народ реставрационное движение не поддержал. Не поддержал он и ганноверское войско. Сэмюэль Джонсон заметил: «Если бы в Англии были справедливые выборы, нынешний король был бы выслан сегодня же вечером». В то же время народ «не стал бы рисковать чем-либо для реставрации изгнанной династии. Они не дали бы двадцати шиллингов, чтобы вернуть их назад» [Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории, с. 68].

Национальное сознание англичан было перевёрнуто в результате Семилетней войны. По её итогам Англия значительно расширила свою территорию. Ранее английские владения были вполне компактны и однородны – стержнем её были тринадцать протестантских колоний в Америке. После войны же в её состав вошли Квебек с семидесяттысячным населением французских католиков, области в Азии, население которых было ни белым, ни христианским и многие другие территории. Содержание такой империи потребовало огромных средств, что не могло не отразиться на жизни ядра империи – англичанах. Это привело к оформлению английского национализма – ни монархического, ни протестантского, а именно английского.

В 1775 г. началась война за независимость в Америке, закончившаяся поражением метрополии. Война была серьёзным вызовом национальному самосознанию британцев, а правительство она принудила провести серию имперских реформ по усилению контроля над колониями.

Революцию во Франции английское общество поначалу встретило с бурными овациями, усматривая в ней славное дело, восходившее к 1648 г. в Англии – освобождение от эксплуатации, стремление к свободе и независимости. Однако Парижская «Сентябрьская резня» 1792 г., казнь Людовика XVI, а, главное, начало французской экспансии и войны Франции с Британией в феврале 1793 г., приводят к разочарованию в идеях Французской революции и росту антифранцузских настроений.

Итак, космополитизм в Англии и в Западной Европе XVIII в целом, был свойственен, скорее, высшему слою общества, его государственной и интеллектуальной элите. В массах же созревает именно национальное самосознание, нарастают патриотические чувства и растёт социальный разрыв между народом и его правителями, что явилось одной из причин революционного взрыва в к. XVIII и первой половине XIX вв.

Несомненно, во время периода космополитических настроений в Европе разница между нациями, их государственными устройствами, была огромна. Джеральд Ньюмэн своеобразно указывает на то, что «Британский статут не был русским указом, суфле не было картошкой, босоногая польская знать не была семьёй Пэлхам из Сассекса, на волынке не играли ни в Неаполе, ни в Вене» [Newman, 1987, с. 15]. Институты стран редко формировались калькировано. Космополитизм заключался в кооперации, совместной выработке действий и, прежде всего, объединял элитарные группы европейских государств.

Во Франции в XVIII в. растёт системный кризис. После правления Людовика XIV Франция начинает всё больше уступать позиции Британии – в морях, на суше и во многом другом. Как отмечалось в прошлой главе, в условиях обновлённой политической системы дворянство потеряло какие-либо полезные и практические функции, при этом продолжало пользоваться всеми привилегиями и расточать бюджет страны. Попытки экономических преобразований, отставка Тюрго и реформы Жака Неккера не привели к нужному результату, росли социальные проблемы, обстановка обострилась и вылилась во Французскую революцию.

Во время революции всё, что имело отношение к нации, перестало быть интересом лишь интеллектуалов и парламентской элиты. Обсуждения трактовки нации приобретают самый широкий размах. Предлагалось восстановить «нацию» в её прежних утраченных правах. Предлагалось, чтобы объектом национальной консолидации стал не король, а истинный патриотизм. Окончательно отходит религиозный фактор – эдикт 1787 г. уравнивал протестантов в правах с католиками. Отныне нацию раскалывало лишь сословное деление. Выдвигалось множество проектов по преодолению этого деления и слиянию народа в единую нацию. В июне 1789 г. третье сословие объявило себя *Национальным собранием*. Это было обусловлено стремлением депутатов как можно скорее начать говорить и выражать волю всей нации. Национальную разобщённость добавляли некоторые провинции. Их партикуляризм создавал значительное препятствие – ограниченное распространение единого французского языка, привилегии, собственные административные и судебные органы заставляли провинции дистанцироваться от центральной власти. Им же было и не особо до собраний Генеральных штатов в столице. Национальное собрание статьёй X декрета отменяло привилегии любых территориальных единиц, что вызвало сильное отторжение в самих провинциях.

Столь широкие обсуждения всевозможных национальных вопросов, не означали, что это слово было также понятно и знакомо простому народу, особенно провинциальным жителям. Д.Ю. Бовыкин по этому поводу вспоминает анекдот, рассказанный Карамзиным, про крестьян, которые встретили хорошо одетого юношу и заставили его вместе с ними выкрикивать лозунг «*viva la nation!*⁵¹», после чего попросили изъяснить, что же такое нация. Этим вопросом, на самом деле, задавись в то время все. Решался вопрос о принципах идентифи-

⁵¹ «Да здравствует нация!» (фр.)

кации людей. Предлагалось делить людей по количеству налогов, которые они платят, по месту жительства, по языку и т.д.

В 1791 г. Учредительным собранием была утверждена Конституция, во многом базировавшаяся на идеях Просвещения. Следующие за этим события – тема отдельной работы. Позволим лишь себе небольшую вольность и представим вниманию читателя работу начала XIX в., в которой отражается довольно однобокое, но заслуживающее внимание отношение современника к событиям революции. Монах Баррюэль в своей работе «Записки о якобинцах, открывющие всю противу Христианства, злоумышленния и таинства Масонских лож, имеющих влияние на все Европейские державы» пытается доказать факт длительно готовившегося, спланированно заговора, который вылился во Французскую революцию. Якобинцами он называет «всех тех, кто основали начала свои на равенстве и вольности, и были единственою причиною всех злодеяний и бедствий Французской революции» [Баррюэль, 1807, с. 2]. По мнению Баррюэля, предтечей революции во Франции явилась тайная организация «троякая секта, коей несчастною жертвою были сами якобинцы» [Там же, с. 4], совершившая заговор в целях уничтожения христианских устоев и всего европейского мира. Эта организация имела множество последователей и осуществляла свой план в рамках трёх заговоров: а) «против Бога, против всякой Христианской Религии, без исключения и без различия как Протестантской, Католической, так Англиканской, или Пресвитерианской» [Там же, с. 5]; б) «против всех Царей» [Там же, с. 6]; в) «против всякого закона и правления, не исключая даже Республики, против всякого гражданского общества и против всякой собственности, какая бы она ни была». Автор считает, что Французская революция – это только первый опыт, за ней последуют еще и другие (что и произошло). В качестве доказательств существования такого заговора Баррюэль публикует «записки злоумышленников». Идейными начальниками заговора автор считал Вольтера, Дидро и Фридриха II. В первых двух частях произведения, с которыми удалось нам познакомиться, даётся краткая биография и характеристика начальников заговора, описывается предыстория революции, их первоначальные действия. В основном обвинения автор выдвигает на фоне отрицания ими Бога, их атеизма и призыва к нему других, открытии типографий, пропагандистской деятельности, распространении вредных сочинений и т.д. В целом книга представляет собой интерес, во-первых, как исторический источник, во-вторых, как мнение современника этой непростой эпохи в Европе.

Теперь наше внимание перенесётся на остальные рассматриваемые страны – Испанию и Священную Римскую Империю.

Для Испании XVIII в. начался с настоящего потрясения – война за испанское наследство 1701-1714 гг. привела к утере огромных территорий, полной потере международного престижа, страну раздирали внутренние конфликты, а на престоле утвердились французская династия Бурбонов. В течение всего XVIII в. государство находилось в состоянии реформирования. После окончания войны были осуществлены меры по централизации аппарата, устранила традиционная самостоятельность областей (фуэрос⁵²). При Филиппе V была введена интендантская система французского образца, которая характеризовалась появлением на местах представителей центральной власти, наделённых широчайшими полномочиями. Было обращено внимание и на церковь: усилен контроль деятельности её институтов, изгнание иезуитов 1767 г., университетская реформа 70-80-х гг. и попытки реформирования Инквизиции. Иностранный династия на испанском престоле открыла страну европейскому Просвещению, что повлияло на развитие общественной мысли. Основа национальной идеи испанцев этого времени – поиск основы духовного и политического единства, соответствующего новой исторической ситуации.

Священная Римская Империя после заключения Вестфальского мира осталась лишь декорацией. Количество феодальных единиц в составе Империи доходило до 1900. Фактически Империя стала играть роль правового института, пытавшегося регулировать отношения между носителями суверенных прав. По ироничному замечанию Вольтера, «Священная Римская Империя была не священной, не римской и не империей» [Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории, с. 396]

К концу XVIII в. наиболее крупными образованиями на территории Священной Римской Империи были Австрия, Пруссия, а также курфюршества Саксония, Бавария и Ганновер.

В экономическом отношении в XVIII в. в Германии наблюдался подъём, но незначительный. Сельское хозяйство стагнировало. Развивалось ремесло и мануфактура, но меркантилистическая политика немецких князей всё тормозила. Перевозя товар, необходимо было каждый раз выплачивать пошлину. По некоторым маршрутам их бывало 30, а то и больше. В таких условиях экономика развивалась с большим трудом. Еще одно свидетельство полной разобщён-

⁵² Здесь: права провинций и муниципалитетов.

ности – система мер и весов. Были и прусские, и баденские, и франкфуртские, и вюртембергские, венские, дармштадтские, лейпцигские, рейнские, наконец, гамбургские футы. Та же ситуация с чеканкой монет. Любой путешественника того времени приводила в ужас необходимость постоянно обменивать деньги. В религиозном плане Германию разрывало на части между официальным лютеранством (на большей части страны) и просвещенным пietизmом (территория Бранденбурга). Вена вообще была преимущественно католической и не видела в протестанcko-пиетистком Берлине консолидирующего лидера.

В целом в XVIII в. для Германии так и оставался характерным местный патриотизм, фрагментация самосознания и идентичности. Консолидационные идеи формировались в основном лишь в среде творческой и интеллектуальной элиты. В 1783 г. немецкий публицист писал: «У них (немцев) нет ничего от национальной гордости и любви к отечеству... Их гордость и чувство отечества относятся только к той части Германии, где они и родились. К другим своим соотечественникам они чужды так же, как и к любому иностранцу» [Там же, с. 398]. Если и объединяло что-то жителей Империи, то это были только литература и искусство. Лишь элитой вынашивались идеи о сложении единой немецкой нации.

3.2 Отражение национального сознания в системе образования, литературе и искусстве XVIII в.

Как мы уже отмечали, XVIII век в Европе, в том числе Англии, стал столкновением двух социальных тенденций: космополитизма и национализма. Борьба находит отражение во всех сферах – от политики до литературы и художественного искусства. В этих условиях происходит становление и закрепление национального характера, а также растёт национальное самосознание. Английские писатели, художники, моралисты устремились к обновлению английской культуры, к очищению её от иностранного влияния. На примере картин замечательного художника Уильяма Хогарта мы можем проследить веяние этих тенденций. Хогарт родился в 1697 в Лондон, за годы творческой деятельности стал основателем и крупнейшим представителем национальной школы живописи. Писал множество сатирических гравюр, делал иллюстрации. Многие произведения художника появились под влиянием философии Просвещения. В них онставил задачу воспитания нравственности в человеке с помощью художественного творчества. Говоря о национальной окрашенности его творчества, то на его картинах мы видим англичанина улыбающимся, розовощёким, с удо-

вольствием запивающим портером ростбиф, образ же француза представлен фигурай толстого священника или «претенциозного» учителя танцев [В. Шестаков. Английский национальный характер и его восприятие в России, с. 87].

Англия превращалась в мировой культурный центр, основанный на космополитических идеях. Космополитизм тогда был «чувством, объединяющим образованные умы» [Thomas J. Schlereth. The Cosmopolitan Ideal in Enlightenment Thought: Its Form and Function in the Ideas of Franklin, Hume, and Voltaire. Цит. по: Newman, 1987, с. 1].

Небывалый расцвет Космополитизма по времени совпал с годами жизни Вольтера (1694-1778). Весьма важным в этом процессе представляется взаимодействие Англии и Франции. Вольтер в своём произведении «*Lettre philosophiques*», комментируя сочинения английского поэта Александра Поупа, отметил, что «когда француз и англичанин мыслят одинаково, их мысли наверняка верны» [Там же, с. 2]. Это мнение было широко распространено и было популярно на протяжении всего XVIII века. Англию и Францию также часто называли «непослушными близнецами»⁵³, в силу того, что на протяжении всей истории они активно обменивались «идеями, обычаями, новинками, комплиментами или протестами» [Там же, с. 2]. С претензиями на господство Британии (как в Елизаветинскую эпоху) и Франции (как во время правления Людовика XIV), по мнению некоторых писателей и историков, даже война способствовала укреплению связей этих стран:

Мы друг друга постигли ценой потерять, чтобы защищать свой род.

Могут ли Кровь и Сталь теперь доставить большие невзгод?

Мы за века смогли до конца познать друг друга умы,

Могут ли Кровь и Сталь развязать то, что не связем мы?

[Р. Киплинг. Франция, 1913 / Пер. С. Шоргина]

Развитие взаимоотношений англо-французских мыслителей историк F.C. Green называет «менуэтом» идей [Newman, 1987, с. 2]. И в качестве дирижера этого космополитического музыкального произведения выступает Вольтер. Вольтер после сближения с английским королем Георгом I, посещения Лондона и публикации там своей «Генриады» (1728) заимел огромное количество связей с Английскими писателями. В Англии он познакомился с Уолполом, Додингто-

⁵³ Unruly twins (англ.)

ном, Честерфилдом, Хэрви, Ричмондом, Литтлтоном, Поупом, наконец, Свифтом, [Там же, с. 3]. К 1759 г. про Вольтера говорили, что «среди англичан он не менее популярен, чем... китайская мебель» [Там же, с. 5].

В н. XVIII века в английском высшем классе возобновилась традиция отправлять своих людей для получения образования за границу. Поездка длилась, как правило, несколько лет и получила название «The Grand tour». Важным пунктом в этом путешествии была Франция, где учили аристократическим манерам, привычкам и окончательно формировали характер. Таким образом, для элиты этого времени больше характерны тенденции стремления к космополитическим ценностям, своего рода Пан-европеизм, когда каждая из европейских стран специализировалась в какой-либо сфере, и любой молодой человек из высшего общества должен был побывать в ряде стран, чтобы его картина мира стала полной, а образование считалось оконченным.

Во время правления Стюартов в Англии широко распространяется «франкофильство»⁵⁴. Стюарты, в чьих жилах текла французская кровь, внедряли в высший слой английского общества французские манеры и обычаи. Французский язык при дворе стал еще более популярным. Апогея франкофильство достигло в н. XVIII в. еще при Людовике XIV. Про то время говорили: «Лондон в некоторой мере был такой же культурной колонией Парижа, как Рим, Мадрид и Санкт-Петербург» [Newman, 1987, с. 15]. Королева Анна ввела в моду французскую одежду, причёски, ювелирные украшения, косметику и многое другое. Richard Steele писал: «любезный Уилл Ханикомб ... досконально знает историю модных вещичек и может точно сказать с какой проститутки французского короля наши жёны и дочери взяли моду завивания волос, а с какой манеру положения чепца на голове...» [Там же, с. 15]. Не меньшему влиянию подверглись интерьер, меблировка, садовый дизайн. Например, парки Оукли и Рискинс были скопированы с аналогичных проектов в Версале и Фонтенбло. Английская литература также была подвержена большому вилянию. Во-первых, это действие французских моделей сочинительства, во-вторых, зависимость от мнения французских критиков, давление со стороны писателей и драматургов. С другой стороны, подражательство было вполне осознанным. Современники называли это «временем, когда все обезьянничали французской моде»⁵⁵ [Там же, с. 16]. На территории Англии действовало влиятельное образовательное заведе-

⁵⁴ Francophilism (англ.)

⁵⁵ Данное обстоятельство замечательным образом было высмеяно художником Уильямом Хогартом в его иллюстрации «Обезьяна в одежде француза». См. **Приложение**, с. 4

ние со столетней историей Académie Française. Примечательно, что английского, пусть даже аналога академии, в стране не существовало. Во Франции в XVIII веке об академии писали следующее: «Французская Академия показала образованным и искусным людям, как стать Мастерами *собственного языка*, а одобрение, с которым её приветствовали, начиная с Людовика XIV, вызвало Эпоху Поэтов, Ораторов и Критиков. За последнее время для обоснования Классики было сделано больше, чем за всё время, начиная с эпохи Августинской до современной» [John Oldmixon. *Essay on Criticism* (1728), Цит. по Yadav, 2004, с. 116, курсив - П.К.].

Несмотря на хвалебные высказывания современников, вроде: «Именно Драйдену⁵⁶ Англия обязана концепцией своего литературного периода и успеха» [Earl Miner, Цит. по Yadav, 2004, с. 116], некоторые исследователи полагают, что оригинальные для английского общества идеи и концепции в то время заимствовались у французских писателей.

Что касается национальной идентификации англичан в век космополитизма, то здесь очень много интересных моментов. На фоне развитых и популярных идей о «гражданине мира» усиливается и английский национализм. Причем, в совершенно специфичной манере. Некоторые авторы называют этот феномен «динамичным национализмом». Люди, наблюдавшие за путешественниками, отмечали, что, уезжая за пределы Англии, оффранцуженные на родине «граждане мира» вдруг становились невероятно патриотичными, всюду отстаивали свою идентичность и в словесных дискуссиях непременно вставали на защиту английской позиции. Один из наиболее опытных путешественников, Джон Мур, наблюдая за своими соотечественниками, писал: «Путешествующие англичане шокируют иностранцев, хвастаясь преимуществами Англии перед остальным миром, высмеивая манеры и обычаи других наций; однако, по возвращению домой, они незамедлительно перенимают иностранные манеры и до конца жизни выражают крайнее презрение ко всему английскому» [Там же, с. 45]. Возможно, это никакой и не феномен, так как автор данной работы неоднократно наблюдал подобную ситуацию, происходящую с русскими, попавшими за границу⁵⁷: на Родине они отрицают всё русское, стремятся походить поведением, одеждой на иностранцев, но, попадая за границу, гордо заявляют о своём

⁵⁶ Джон Драйден (1631 - 1700), английский поэт, критик и драматург Августинской эпохи.

⁵⁷ В том числе с ним самим.

русском, особенно, сибирском происхождении, в любых спорах жарко отстаивая интересы России.

Самое примечательное – это то, что в третьей четверти XVIII в. во Франции начинает наблюдаться схожая тенденция копирования чужой культуры. В нашем представлении, это связано с грандиозным возвышением Англии в то время. Инициатива культурной (как и всей прочей) экспансии переходит к Великобритании. Француз Comte de Lauraguais в 1769 году коротко и ясно заметил: «Мы все превратились в англичан» [Там же, с. 46].

Текущую ситуацию Ж.Ж. Руссо, будучи противником космополитизма, комментирует следующим образом: «Нынче нет ни французов, ни немцев, ни испанцев, ни даже англичан, что бы о них ни говорили, существуют только *европейцы*. Повсюду одинаковые вкусы, одинаковые страсти, одинаковые нравы, ибо отсутствует *национальный дух*, который способен сообщить народу лишь соответствующий институт» [Руссо, Ж.-Ж. Педагогические сочинения: В 2 т. – Т. 2, с. 178, курсив – П.К.]

С 1750 года в Англии начинает активно возрождаться национальная идентичность. Этот процесс, по мнению Дж. Ньюмэна окончательно завершился к 1830 году. В это время формируется английский национальный идеал, в литературе получивший название *Sincerity*⁵⁸, используемый в целях пропаганды. В первую очередь, искренность означала простодушие, невинность. Слово *sincerity* происходит от латинского *sincerus*. Изначально слово означало чистоту звука, беспримесность. Употреблялось чаще к предметам, чем к людям (например, к вину). В Шекспировские времена «искренность» начинает применяться для обозначения моральных человеческих качеств. К к. XVIII – н. XIX вв. термин приобретает более широкое значение. В литературе начала XIX в. *sincerity* – это духовная чистота и невинность, без которой никакие добродетели существовать не могли. В дополнение к «чистоте» (*pure*), «невинности» (*innocence*) искренность подразумевала «честность» (*honesty, truth-telling*), «серьезность» (*seriousness*). Это слово стало английским идеалом, пропагандируемым в обществе, прежде всего, в высшем слое. «Искренность» стала основным национальным качеством.

Параллельно с космополитизмом процесс интенсивного развития национализма начинается с сер. XVIII в. Это проявлялось в живописи, литературе, публицистике. В своей работе 1785 года «Сравнительный взгляд на французскую и

⁵⁸ Искренность (англ.)

английскую нацию» Джон Эндрюс доказывает оригинальность и превосходство английского национального характера над французским [Andrews, 1785, p. 88]. Джон Эндрюс был английским историком и памфлетистом. Он родился в 1736 г. и в течение жизни написал огромное количество работ. Большое внимание Эндрюс уделял теме национальных характеров европейцев и их сравнению. К сожалению, о его жизни известно не так много. Умер он в 1809 г. и в февральском «Журнале Джентльмена» был опубликован следующий некролог: «В своём доме в Кеннингтоне графства Сарри, на 74 году жизни ушёл из жизни Доктор Джон Эндрюс, джентльмен, хорошо известный в литературном мире. Народ скорбит о нём и будет его помнить как достойного историка, глубокого исследователя, политика и человека, который был готов в любой момент взять перо и начать работу во благо своей страны» [Gent. Mag. February 1809; British Museum Catalogue / Wikisource].

В живописи использовалась часто акварель, которая могла отлично передать изменчивость английской погоды. Художники Констебль, Гейнсборо и Тёрнер показывают в своих пейзажах столь особенную и отличительную английскую природу, отражая тем самым национальную своеобразность. Подчёркивая значимость роли художников, Ф. Шлегель писал: «Благодаря художникам человечество становится индивидом, ибо они соединяют прошлый и будущий мир в настоящем. Они – это высший орган души, где встречаются жизненные силы всего внешнего человечества. Художник не должен стремиться ни господствовать, ни служить. Он может только образовывать и не делать ничего другого». [Цит. по: Мисюров, 2001, с. 29].

Окончательно космополитические настроения исчезли вскоре после начала Французской революции. В отношении идей и принципов, звучавших во время революции, английские интеллектуалы были настроены весьма позитивно, но террор, последовавший за лозунгами человеческого братства, ужаснул всё английское творческое сообщество. С этого времени развивается подлинный национализм, вылившийся в концепцию обособленности Англии от континентальной Европы. Так в чем отличия национализма от простого патриотизма? Патриотизм – это довольно внешний, показной фактор. Сегодня человек послушал песни военных лет – у него появился патриотический настрой, на следующий день человека уже не захлестывают эти чувства. И в те времена: собирается народное волнение – людей захватывают патриотические чувства, но вскоре стихают. С национализмом же дело обстоит по-другому. Он охватывает

больше сфер жизни человека. Это могут быть и мысли, чувства, и манеры поведения, культура, характер занятий. Это более глубокая составляющая в сравнении с патриотизмом, хотя и во многом тоже вполне условная (примером тому может быть сюжет о *смене идентичности английских путешественников XVIII в.*

Касаясь темы стереотипных образов, то исходя из источников XVIII в. английский писатель Энтони Майолл в своей работе «Путеводитель Ксенофоба по земле английской» отмечает: «Англичане считают французов лицемерными, негигиеничными и слишком склонными к сексу. Немцам же свойственна мания величия и они чрезвычайно задиристы. Итальянцы – истеричны, испанцы – ленивы, русские – мрачны, скандинавы, датчане, бельгийцы и шведы – глупы, американцы и австралийцы – вульгарны, канадцы скучны, а все жители стран Востока – непредсказуемы и опасны» [Miall, 1994, с. 7]. Вообще в своей работе со столь интригующим названием Майолл приводит доказательства того, что на самом деле ксенофобия⁵⁹ – очень развитая черта англичан. На то была объективная причина: на протяжении истории англичан кто-нибудь постоянно так и норовил завоевать (начиная с кельтов, римлян, викингов, заканчивая Наполеоном и Гитлером).

Французская литература переживает небывалый подъём, в чём несомненная заслуга писателей эпохи Просвещения. В «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера автором таких статей, как «Нация», «Родина», «Патриот», «Патриотизм» был шевалье де Жокур. В этих статьях он характеризует нацию наличием территории и государства с одной стороны и особого *национального характера* – с другой [Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории, с. 139]. Однако, несмотря на существование этого термина в энциклопедиях, в официальных документах монархии его было не встретить.

Личный взгляд на понятие «нация» Людовик XV выразил на заседании Парижского парламента 1766 г., вошедшего в историю как «бичевание парламента». Парламенты отстаивали свои политические привилегии тем, что они являются представителями *нации*, на что король решительно возражал, подтверждая тем традиционную органическую концепцию французской монархии. Людовик XV говорил, что король и нация – это единый организм, где король – глава, а нация – тело. Следовательно, нет никаких других учреждений, способных встать между главой и телом. В официальные документы термин входит лишь в самый разгар политического кризиса накануне революции. Итак, со-

⁵⁹ Боязнь иностранцев

гласно эдиктам и постановлениям королевского совета, нация – это, во-первых, французский народ (о котором печётся король), во-вторых, это Генеральные штаты [Там же, с. 141].

В XVIII в. продолжается подъём национальных и патриотических чувств. Шевалье д'Арк писал: «Я, ревностный гражданин и верноподданный, в глубине души не различаю государя и отечество, личные и государственные интересы» [Там же, с. 141].

В своей «Истории французского патриотизма» (1769 г.) адвокат Россель доказывал, что патриотизм и любовь к родине французов «живее и великолушнее», чем у кого-либо другого, даже самого пламенного римлянина. Он объясняет это тем, что римлянин лишь мстил за себя, а француз «жертвует собой, совершая великие деяния; забывает о себе, думая лишь о славе короля и о чести и благополучии нации». В этом сочинении понятия король и нация стоят в одном ряду. Подобная концепция принадлежит моралисту XVIII в. Л.П. Беранже.

Подобная ситуация постепенно меняется и термины «национа» и «родина» приобретают независимый от короля характер. Ж. Лабрюйер писал: «При деспотизме нет отечества, его заменяют другие вещи: интерес, слава, служба государю» [Там же, с. 142]. В политико-философской мысли выделялось два основных направления: а) когда патриотический идеал всеми прославлялся; б) этот идеал считали несовместимым с существующим режимом.

Ш.Л. Монтескье считал, что «при монархическом правлении государство существует независимо от любви к родине. Древние должны были чувствовать большую привязанность к родине, чем мы, так как они всегда были неотделимы от своей родины. Их город захвачен? Значит они будут убиты или попадут в рабство. У нас же всего лишь сменится государь» [Монтескье Ш.Л. О духе законов. Цит по: Там же, с. 143].

Вольтер сожаления о родине считал проявлением лжи и фанатизма. Он провозглашает себя, прежде всего, гражданином мира. По его словам, одна нация за счёт другой счастливой стать не может. В «Энциклопедии» Дидро Вольтер был автором статьи «Француз». В ней он уделил большое внимание национальному характеру. Он писал, что у каждого народа есть свой характер, который образуется из сходных черт, образованных под действием природы или привычки. Эти черты складываются несмотря на все внутренние различия: «Жители Гиени и Нормандии во многом непохожи. Тем не менее в них французский гений, который соединяет эти разные провинции в одну нацию и кото-

рой позволяет с первого же взгляда отличить французов от итальянцев и немцев».

Среди французских просветителей Ж.Ж. Руссо выделялся своим неодобрением неограниченного космополитизма. В педагогических наставлениях ученику он писал: «твоя прямая обязанность – любить место, где ты родился». С его точки зрения, «любовь к человечеству наделяет людей множеством добродетелей, например, кротостью, справедливостью, умеренностью, милосердием, снисходительностью, но отнюдь не внушиает им мужества, твёрдости … и не наделяет их также той силой, которую сообщает им любовь к родине, возвышающая до героизма». Достойный гражданин в представлении Руссо должен беззаземно служить родине, однако, это возможно только при условии того, что на родине соблюдаются все законы, права и свободы. Образ же нации Руссо можно было бы назвать органическим: нация развивается и словно живой организм переживает младенчество и зрелость. В сочинении «Очерк национального воспитания, или План образования для молодёжи» он критиковал образование, предлагаемое иезуитскими коллежами, и призывал изучать не древние языки, а историю отечества, географию, физику и математику.

Ярким образом мысли о национальной идеи Руссо выразил в работе «Сообщение об образе правления в Польше и предлагаемые преобразования в сем правлении». Он призывал польский народ развивать патриотические чувства: «Пусть граждане непрестанно слышат и думают о своей родине, пусть она станет для них превыше всего на свете» [Руссо, Ж.-Ж. Педагогические сочинения: В 2 т. – Т. 2, с. 180]. П. Оль и Р. Ромашов отмечают, что «нация в учении Руссо – это народ, образующий посредством общественного договора «коллективную личность», объединённую также «национальными институтами» и выступающему по отношению к чужеземцу «как обычное существо, как индивидуум» [Оль, Ромашов, 2002, с. 14].

Таким образом, в XVIII в. во Франции под влиянием парламентов и просветителей (в особенности Руссо) формируется принципиально новое понятие нации, основанное на принципах народного суверенитета и общественного договора. Происхождение национального характера французские авторы склонны были объяснить а) влиянием природных факторов (климат); б) культурных факторов (воспитание, религия, политические институты, историческая судьба). Биологические же особенности мало кто выделял. В представлении национальные качества не наследовались, а взращивались в той или иной обстановке.

В просветительской литературе Испании речь шла о сообществе, основанном на системе ценностей, которой были свойственны понятия «благоденствие», «польза», «богатство», «свобода», «счастье» [Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории, с. 265]. И в представлении просветителей мало того, что теоретически это сообщество возможно, более того – оно уже существует. Такое сообщество – это и есть испанская нация. Эволюция этой идеи прослеживается в сочинениях писателей: П. Кампоманес (1723-1802), Х. Кадальсо (1741-1782), А. Кампани (1742-1813), Х.-П. Форнер (1756-1797), Г. Ховельянос (1744-1811). Однако, как и в других европейских странах распространение национальных идей ограничивалось образованной элитой. В менталитете и национальном сознании народа изменений почти не было. Все иностранцы воспринимались ими как враги. То же отношение сохранялось к людям иной веры.

В университетских городах Германии на рубеже XVII-XVIII вв. формируются многочисленные «немецкие общества», ставившие перед собой цель популяризации немецкого языка и воспитания патриотических чувств. Одним из членов таких обществ был писатель И.К. Готшед, ставший одним из родоначальников современного немецкого языка. Со второй половины XVIII в. в литературе наблюдается повальная увлечённость всем национальным. В какой-то мере это было реакцией на Семилетнюю войну и сопутствующими с ней кризисами, которые заставили задуматься немцев о своём месте в судьбе Европы. О самосознании пробуждающейся нации заговорили философы, богословы, моралисты, проповедники, поэты, драматурги, композиторы. Появляется множество журналов с присутствием слова «немецкий» в их названии, в Гамбурге открывается «национальный театр». Интеллектуалы остро чувствуют отставание своего народа. Так, Моцарт писал: «у каждой нации есть своя опера. Почему же у нас, немцев, её быть не должно. Разве на немецком поётся хуже, чем на французском или английском? Хуже, чем на русском?» [Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории, с. 402].

Немецкие просветители в XVIII в. начали использовать термины «национальный дух»⁶⁰, «национальная идея»⁶¹. Земля в их представлении – тело нации. [Мисюров, 2001, с. 17]. Немецкое просветительство отражало национальный дух времени. В произведениях писателей XVIII века в Германии перед

⁶⁰ Nationalgeist (нем.)

⁶¹ Nationalidee (нем.)

читателем предстает национальный образ немца, а не «гражданина мира» в отличие от космополитической Франции. Развивается героический роман, из глубин прошлого возвращаются доблестные воины и защитники немецкого народа: Херманн, победитель римских легионов, рыцарь Гёц фон Берлихинген, принц Эгмонт, солдат Валленштейн.

Немецкий писатель, историк, публицист Ф. Мозер в работе «О немецком национальном духе» констатирует печальное состояние, в котором находится немецкий народ, но вместе с тем, подчёркивает его особое положение как владельца Империи. И. Гердер назвал Мозера «первым автором в немецкой истории с головой и сердцем немца». Мозер видит проблему национального самосознания в немецких землях и разобщенности нации и пишет, что не должно быть так, потому что у немецкого народа «одно имя, один язык» [Moser. Werke. Цит. по: Мисюров, 2001, с. 17]. Национальная идея немецкого народа, по определению Мисюрова Н.Н.– это «комплекс понятий и идей, результат соединения немецкой классической философии, протестантской теософии и лютеранской этики, культуртрегерской педагогики и просветительской штюрмерской эстетики с романтической доктриной».

Однако в отличие от других стран Европы, где идея нации уже развивалась в течение нескольких веков, в Германии не было даже чёткой трактовки того, что «нация» собой представляет. Разными источниками она трактовалась как этническое образование, политическое, социальное и т.д. Принципиально новое в определение нации внёс знаменитейший немецкий мыслитель Иоганн Готфрид Гердер (1744-1803). Он объявил нацию *естественной* частью человечества. Но естественной не в биологическом смысле, а метафизическом: нация являлась продуктом природы и истории, а природа и история порождены Богом. Нация приобретало невиданную ранее ценность – теперь нация – это не просто совокупность людей, это божественная идея. Бог предназначил нации особые задачи, наделив особыми качествами и характером. Большое значение Гердер придавал языку. Любой язык, являясь даром свыше, становился священным. Нации были разъединены, но все они двигались в направлении единой для всего человечества цели, выполняя свои задачи, тем самым, внося свой вклад. Сочувственно отзываясь о славянах, он побудил толчок роста национального самосознания в ряде славянских стран. Немцев он описывал наилучшим образом – их отличал высокий рост, сила, красота, стройность, голубые глаза. В представлении Гердера немцы – это «люди-герои», достойные своего

символа дуба – медленного, прочного, несокрушимого. Наделяет Гердер немцев целой радугой добродетелей: верностью,держанностью, смелостью, пишет о «правдивом честном духе немецкого племени», обуважении к женщине, о «светлой голове и справедливом уме» и о много другом [Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. Цит. по: Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории, с. 404]. Миссия немецкого народа – распространение культуры и защита свободы. Несмотря на такое прославление немцев, все нации Гердер считал равноценными и равноправными. Он призывал немцев умерить воинственность и учёную гордыню⁶². Гердер совершенно справедливо выдвинул идею, что все войны и беды идут от «политической машины», потому как народам делить между собой нечего и воевать незачем – они тут же прекратили бы все войны и жили одной человеческой семьёй.

Невзирая на то, что Гердер не был националистом, а ценности, которые он пропагандировал в XVIII в. даже чем-то напоминают идеал современных «европейских»⁶³ ценностей – интернационализм, толерантность и т.д., его идеи в будущем были умело использованы ярыми националистами. Исказив смыслы, а где-то, используя горячие высказывания молодого Гердера, у националистов получилась концепция нации-государства с языковым единством. Концепция естественных наций Гердера приобрела политический характер, в то время как сам писатель политику никогда к народу не относил. Однако его отдельные идеи и радикальные высказывания вроде призывов «изрыгнуть слизь Сены», говорить по-немецки и т.д. сразу были взяты националистами на вооружение. Таким образом, для национальной идеи Гердера была свойственна аполитичность, но огромный арсенал его национально заряженных идей успешно влился в общую волну подъема немецкого национализма.

Таким образом, для Германии XVIII в. идея национального единства – это пока еще только тема формирующейся общенациональной литературы, но патриотическое национальное чувство уже начало зарождаться и в среде простого народа. В это же время заговорили о «твёрдом существе немецкого характера», о нюрнбергском золотом веке. В н. XIX в. гг. выходит сборник немецких

⁶² Ведь «и от славян учился немец» [Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. Цит. по: Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории, с. 404]

⁶³ Европейские ценности здесь - лишь как укрепившиеся аппаратом пропаганды представления об идеале европейского общественного устройства. С реальностью же, как мы понимаем, идеалы обыкновенно значительно рознятся.

народных песен. Братья Гримм занимаются фольклором. Национальная литература становится всё более самобытной, а пробуждение национального самосознания затрагивает всё больше сфер жизни общества.

Итак, можно **подвести черту**. В целом XVIII век характеризуется двумя социальными тенденциями: параллельным развитием космополитизма и национализма. Несмотря на все, казалось бы, революционные изменения в образе мысли интеллигентской элиты, на протяжении XVIII в. европейский народ в большинстве своём по-прежнему оставался далёким от модных идей и веяний эпохи Просвещения. Не был еще полностью унифицирован язык внутри государств – в речах современников то и дело можно было встретить сетования на то, что жителя столицы не понимал ни один провинциал. В это время роль религии уходит на второй план – она уже не является тем главенствующим (над национальной принадлежностью) фактором консолидации народов. Так яро пропагандируемые в век Просвещения принципы свободы, равенства, в свете далеко не радужных событий Французской революции, были серьёзно пересмотрены мыслителями XIX в. В немецкой общественной мысли зрела еще одна, не виданная ранее, идея о национальном государстве.

Заключение

Согласно поставленной цели, мы попытались составить общее представление о столь сложном и многостороннем процессе формирования наций, национального сознания и идентичности жителей четырёх ярких западноевропейских стран н. XVI – к. XVIII вв.

Для изучения *нации* мы использовали термин «фигурация», выделив макро- и микроуровни. Макроуровень – это данные о численности населения, составе населения, общих социальных, политических и экономических процессах; микроуровень – процессы изменения национального сознания, самоидентификации и менталитета человека. Пришли к выводу, что нация – это сложное понятие, которое характеризуется наличием национального менталитета, характера, сознания и идентичности. Автор дипломной работы предложил следующий вариант определения национализма: «длительный исторический процесс формирования национального самосознания и идентичности различных общностей под влиянием конкретной исторической обстановки (социополитической, экономической, культурной) и господствующей идеологии».

Рассматривая социальную, политическую и экономическую ситуацию, её отражение в литературных произведениях, искусстве, становится видно, что к концу XVII в. запущенный в Англии при Тюдорах процесс формирования национального сознания распространился уже на всю Европу. Для каждого государства была характерна своя специфика национальной идентичности. Во Франции вплоть до предреволюционного кризиса она формировалась через католическую веру, единство нации и короля (в случае с французскими протестантами – через верность государству), в Англии – во многом под влиянием протестантизма, а также за счёт авторитета королевской фигуры. В Испании идентичность формировалась за счёт противопоставления своей нации миру и ностальгии о былом могуществе империи. Реформация и Тридцатилетняя война отбросили Германию далеко назад, однако, и там наблюдались консолидационные тенденции, выражавшиеся постепенной унификацией и рождением особыенной, отличной от других, культуры.

XVIII век ознаменован появлением принципиально новых национальных идей. Эпоха Просвещения вызвала изменения во всех сферах жизни общества. В течение этого времени наблюдаются два параллельных процесса: развитие космополитизма и национализма. В первой половине века ведущие позиции

держал космополитизм (которому не мешали даже постоянные войны), но с середины XVIII в. в литературе всё чаще появляются идеи, созвучные национализму. С началом Французской революции завершился век космополитизма – разговоры о том, что нет ни англичан, ни немцев, ни французов – есть только *европейцы*, затихли почти на две сотни лет.

В настоящее время в условиях глобализации, регионализации и глокализации возникает проблема легитимности нации. Переходят ли нации в новую форму под влиянием глобализации или национальные противоречия лишь всё более нарастают? В современной Европе нации подвергаются давлению как сверху (в результате политической интеграции Европейского союза), так и снизу (вследствие миграционных процессов и кризиса мультикультурализма). Проблема роли нации в обществе характерна не только для Европы, но и для России и всего постсоветского пространства, где формируются новые политические нации, и набирает силу национализм – гражданский и этнический. Это приводит к высокой конкуренции гражданской (национальной), региональной (субгражданской) и этнической (культурной) идентичностей: европеец или француз? сибиряк или русский?

Безусловно, необходимо помнить, что национализм XVIII века и современный – совсем не одно и то же. Однако обращение к истории позволяет увидеть причины и закономерности. Невероятная параллель – на фоне доминирующего космополитизма в Европе начала XVIII века развивается национализм и уже в XIX в. становится главенствующей идеей, что в какой-то мере можно назвать предвестием трагических событий XX в. Марк Блок призывал не судить, но понимать. Понимание позволит политической и интеллектуальной эlite мира не бросаться в крайности глобализма или национализма, а искать баланс интересов больших и малых сообществ.

Список литературы

Источники:

1. Боден Ж. Метод лёгкого познания истории. М.: Наука, 2000. – 416 с.
2. Грасиан Б. Карманный оракул. Критикон. М., 1984. – 632 с.
3. Ларошфуко, Ф. Максими. Паскаль, Б. Мысли. Лабрюйер Ж. Характеры. Пер. с французского / Библиотека Всемирной литературы. Серия первая, Т. 42. – М.: «Художественная литература», 1974. – 544 с.
4. Мильтон. Ареопагитика. Речь о свободе печати, обращённая к английскому парламенту (1644), Казань, 1906 г.
5. Плутовской Роман: Пер. с исп./Вступ. ст. Н. Томашевского; Примеч. Е. Лысенко и С. Пискуновой; Ил. А. Озеровской, А. Яковleva. – М.: Правда, 1989. – 672 с., ил.
6. Руссо, Ж.-Ж. Педагогические сочинения: В 2 т. – Т. 2. – М.: Педагогика, 1981. – 656 с.
7. Шекспир. У. Ричард II Пер. М. Донского / Страница о жизни и творчестве Уильяма Шекспира (William Shakespeare) / URL:
<http://www.wshakespeare.ru/id-sb-elkniga-1149-str/17/> (Дата обращения 1.06.2012)
8. Andrews, J. A comparative view of the French and English nations, in their manners, politics and literature / LL.D. - London : Printed for T. Longman, and G. G. J. and J. Robinson, 1785, 488 p.
<http://catalog.hathitrust.org/Record/009779641> (Дата обращения 1.06.2012)
9. Milton, J. A brief history of Moscovia and of other less-known Countries lying eastward of Russia as far as Cathay – London, 1682
10. Smith, Sir Thomas. De Republica Anglorum. The maner of governement or policie of the Realme of Englande. 1583 / URL: <http://www.constitution.org/eng/repang.htm> (Дата обращения 1.06.2012)

Литература:

1. Баррюэль. Записки о якобинцахъ, Открывающія всѣ противу Христіанскія злоумышленія и таинства Масонскихъ ложь, имѣющихъ вліяніе на всѣ Европейскія державы / Съ Французскаго въ шести частяхъ. Часть первая-вторая / Москва, 1807 г.
2. Батурина, А. Западноевропейская история XVII века в оценке современников. Исторические экскурсы Бальтасара Грасиана / LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013
3. Быков, А. Символ Британии / Numizmat.net / URL:
<http://www.numizmat.net/articles/detail.php?ID=3481> (Дата обращения 1.06.2012)
4. Гринфельд, Л. Национализм. Пять путей к современности. – М.: ПЕР СЭ, 2008. – 528 с.
5. Данн, Отто. Нации и национализм в Германии 1770-1990 – Санкт-Петербург: «Наука», 2003 г., 470 с.
6. Десницкая, Т.Н. Борьба за объединение Германии в немецкой публицистике и программных документах эпохи реформации и крестьянской войны, автореферат. 1951 г.

7. Кипарисов, П. О. Некоторые теоретические аспекты национализма. Специфика эпохи Просвещения в работе Пьера Шоню «Цивилизация Просвещения» // *Образование, наука, инновации – вклад молодых исследователей: материалы VII (XXXIX) Международной научно-практической конференции* / Кемеровский госуниверситет: – Кемерово: 2012. – Вып. 13. / сост. Е. А. Баннова; под общ. ред. К.Е. Афанасьева – 1107 с.
8. Кипарисов, П.О. Проблема формирования национальной идентичности в Европе и мире // *Материалы Международной научной конференции молодых ученых «Межкультурные взаимодействия в условиях глобальных трансформаций»*, Воронеж, 2013
9. Кипарисов, П.О. Национализм в современном мире: закономерный процесс или навязанный конструкт? // *Человеческое, слишком человеческое: проблема статуса гуманитарного исследования в XXI веке*. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции студентов – стипендиатов Оксфордского Российского Фонда, Екатеринбург, Изд-во Уральского Федерального университета, 2013, с. 230-233
10. Киплинг, Р. Франция / Пер. С. Шоргин / Личная страница С. Шоргина / URL: <http://stran-nik.livejournal.com/37858.html> (Дата обращения 1.06.2012)
11. Людоговский, Ф. Библия / Энциклопедия Кругосвет / URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/BIBLIYA.html?page=0.22 (Дата обращения 1.06.2012)
12. Мадариага, С. Англичане, французы, испанцы. / Перевод с английского А.В. Говорунова, СПб НАУКА, 2003
13. Мисюров, Н.Н. Национальная идея – социально-философский итог самоопределения немецкого духа: монография. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2001 – 127 с.
14. Нарочницкая, Е.А. Национализм: истоки многообразия и перспективы, М. ИНИОН РАН, 1997, 60 с.
15. Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории / Отв. редактор В.С. Бондарчук. – М.: ИКД «Зерцало-М»; Издательский дом «Вече», 2005. – 496 с. – (Серия «Исследования по Всемирной истории»).
16. Нация, государство, национализм: теория, история, практика. *Социальная теория и современность (Выпуск 12)*, М.: Луч, 1993
17. Нация и национализм. История и теория в текстах и документах. / Авт.-сост., общ. ред и предисловие О.И. Аршба и С.А. Татунц. – М.: Рик Русанова, 2002. – 217 с.
18. Оль, П.А., Ромашов Р.А. Нация (генезис понятия и вопросы правосубъектности). – СПб: Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2002. – 144 с.
19. Пинский, Л.Е. Бальтасар Грасиан и его произведения // Бальтасар Грасиан. Карман-ный оракул. Критикон. М., 1984, 632 с.
20. Плутовской Роман: Пер. с исп. / Томашевский, Н.– М.: Правда, 1989
21. Татаренко, И.В. Понятия этнос, этничность, нация и национализм в социально-философской литературе – М.: 2003
22. Теории этноса в отечественной этнологии / История Мира. Публичная историческая библиотека / URL: <http://www.istmira.com/yetnologiya/1341-teorii-yetnosa-v-otechestvennoi-yetnologii.html> (Дата обращения 1.06.2012)

23. Тишков, В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
24. Тишков, В.А. Россия: национальный ответ. «Московский комсомолец» 26 января 2012 г. / Личная страница В. Тишкова / URL:
http://valerytishkov.ru/cntnt/novye_publikacii/rossiya_na.html (Дата обращения 1.06.2012)
25. Тишков, В.А. Этнос или этничность? / Личная страница В.Тишкова / URL:
<http://valerytishkov.ru/cntnt/publikaci3/publikacii/etnos ili .html> (Дата обращения 1.06.2012)
26. Сапрыкин, Ю.М. От Чосера до Шекспира: этические и политические идеи в Англии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985 – 192 с.
27. Свободная энциклопедия «Википедия». Национализм / URL:
<http://ru.wikipedia.org/wiki/Национализм> (Дата обращения 1.06.2012)
28. Словарь историка / под ред. Н. Оффенштадта при участии Г. Дюфо и Э. Мазюреля; пер. с фр. Л.А. Пименовой. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 222 с.
29. Фихте, И. Сочинения в 2 т. – Т. 2. – СПб: Мифрил, 1993. – 798 с.
30. Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 года. Спб 1998
31. Шестаков, В. Английский национальный характер и его восприятие в России // *Россия и Запад: Диалог или столкновение культур: Сб. Р 76 ст.* / М-во культуры РФ. Рос. Ин-т культурологии; Сост. В.П. Шестаков; Ред. А.В. Вислова. – М., 2000. – 236 с.
32. Шоню, П. Цивилизация Классической Европы. – Екатеринбург: АСТ МОСКВА, 2008. – 688 с.
33. Шоню, П. Цивилизация Просвещения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 608 с.
34. Элиас, Н. О процессе цивилизации. Т. 1 Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада – М.,Спб.: Университетская книга, 2001 – 332 с.
35. Gerrits, A., Nanci, A. Vampires Unstaked: National images, Stereotypes and Myths in East Central Europe. North-Holland, 1995, 248 с.
36. Andrews, John (1736-1809). Gent. Mag. February 1809; British Museum Catalogue / Wikisource / URL: http://en.wikisource.org/wiki/Andrews,_John_%281736-1809%29_%28DNB00%29 (Дата обращения 1.06.2012)
37. Hayes, Carlton Joseph Huntley. The Historical Evolution of Modern Nationalism. Chicago, 1931
38. Gender ironies of nationalism: sexing the nation / edited by Tamar Mayer, 2000
39. Infinite boundaries. - Kirksville: T. Jefferson, *Univ. press*, 1998
40. Kiparisov, P.O. National mentality formation in the West-European countries as revealed in Balthasar Gracian's works // *Образование, наука, инновации – вклад молодых исследователей: материалы VI (XXXVIII) Международной научно-практической конференции*. Кемерово: ООО «ИНТ», 2011. Вып. 12. Т. 1. – 437 с.
41. Kiparisov, P.O. Some West-European court aesthetics as revealed in the XV-XVI centuries sources // *Образование, наука, инновации – вклад молодых исследователей: материалы*

- лы V (XXXVII) Международной научно-практической конференции. Кемерово: ООО «ИНТ», 2010. Вып. 11. - Т. 1. – 561 с.
42. Miall, A. Xenophobic's Guide to the English, 1994
43. Nationalism in the Middle Ages / edited by C. Leon Tipton. – New York, Holt, Rinehart and Winston, 1972.
44. Newman, G. The Rise of English Nationalism: A cultural history 1740-1830, St. Martin's Press, New-York, 1987
45. Wikipedia. The Free Encyclopedia . Thomas Smith (diplomat) / URL:
[http://en.wikipedia.org/wiki/Thomas_Smith_\(diplomat\)](http://en.wikipedia.org/wiki/Thomas_Smith_(diplomat)) (Дата обращения 1.06.2012)
46. Yadav, A. Before the Empire of English: Literature, Provinciality, and Nationalism in eighteenth-century Britain – New York: Palgrave Macmillan, 2004

Приложение

Император Максимилиан I
1519 год. Музей истории искусства, Вена

Дю rer Альбрехт (Durer Albrecht)

Серебряный фартинг. 1665

Оловянный полпенни с медной вставкой. 1687

Полпенни Вильяма и Марии. 1694

Фартинг королевы Анны. 1714

Два пенса. 1797

Фартинг. 1822

Обезьяна в одежде француза
(*Ape in French clothes*). 1761

Уильям Хогарт (William Hogarth)

MoreBooks!
publishing

yes i want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн – в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! окружающей среде благодаря технологии Печати-на-Заказ.

Покупайте Ваши книги на
www.more-books.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.get-morebooks.com

VDM Verlagsservicegesellschaft mbH

Heinrich-Böcking-Str. 6-8
D - 66121 Saarbrücken

Telefon: +49 681 3720 174
Telefax: +49 681 3720 1749

info@vdm-vsg.de
www.vdm-vsg.de

